

АРИНА

ХОЛИНА

Роскошным **Стервам**
Большого Города



Дорогой, я стала
ВЕДЬМОЙ
в эту пятницу

Арина Холина

Дорогой, я стала ведьмой в эту пятницу!

Текст предоставлен издательством «Эксмо»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=176751

Дорогой, я стала ведьмой в эту пятницу!»: Эксмо; Москва; 2007

ISBN 978-5-699-22461-6

Аннотация

Что делать, если мужчина предлагает женщине богатство, карьеру, славу и любовь? Удержаться трудно – кто в наше время не хочет быть лучше других? Три амбициозные, привлекательные, но одинокие и не слишком удачливые подруги неожиданно знакомятся с замечательными мужчинами, которые отчего-то начинают устраивать их жизнь. Каждую ожидает известность, фантастические гонорары, пылкие чувства самого милого, сексуального и щедрого любовника. Жизнь похожа на сказку! Но подруги забывают, что сказки бывают не только с хорошим концом...

Содержание

Глава 1	9
Глава 2	24
Глава 3	37
Глава 4	55
Глава 5	74
Глава 6	89
Глава 7	102
Глава 8	116
Конец ознакомительного фрагмента.	118

Арина Холина

Дорогой, я стала ведьмой в ЭТУ ПЯТНИЦУ!

Посвящается моей подруге Аглае Смирновой, которая во время написания этой книги не дала распусться моей мнительности и редактировала мои тексты.

Моему любимому мужчине Паше Галкину, который любит меня даже тогда, когда я третий день подряд требую жалости и сочувствия – за то, что бездарность и ничего у меня не получается.

Марии Мишкорез, которая честно читала эту книгу перед экзаменом – вместо пропедевтики, потому что у меня был приступ самобичевания.

Моему папе Игорю Холину и моей маме Ирине Островской.

И моему другу Дмитрию Гранкину – одному из лучших людей на свете.

– Вы же знаете, я всегда обожала свой целлюлит! – громко воскликнула Лиза. Разумеется, люди за соседними столиками обернулись и уставились на нее. Привычное дело –

она всегда привлекает внимание. Во что бы то ни стало. – Мне нравится моя задница, даже если она шире, чем у Дженнифер Лопес, – особенно когда она в этом непристойном... («непристойный» – любимое словечко Лизы) жокейском костюмчике с галифе. Но! Я первый раз в жизни подумала, что далека от совершенства, когда эта самка жирафа подползла к нему и попросила зажигалку! У-уу! – Лиза погрозила воображаемой жирафихе кулаком. – Девочки, какой мужчина! Какой мужчина!

Она закатила глаза и сползла со стула.

Варя и Маша покорно ждали, когда Лизе надоест ломаться и шокировать публику и она продолжит увлекательный рассказ об очередном мужчине всей ее жизни.

– Это навсегда! – Лиза приложила руку к сердцу. – Он лучший. Его зовут Федор. Продает газ или что-то в этом роде. У него плечи, как у Брэда Питта. А секс... – простонала она, предупреждая вопрос. – У меня никогда не было такого секса! Он творит чудеса.

Она замолчала, а Варя с Машей скривили губы и отвернулись. Лиза не принадлежала к строгим девушкам, которые считают личную жизнь личной именно потому, что о ней не треплются направо и налево. Интимные подробности она всегда радостно выкладывала подругам – будь то секс с мужем (когда она еще была замужем) или со случайным любовником.

– Короче, – оживилась Лиза. – У него самый прямой, кра-

сивый и твердый член, который я видела в своей жизни!

У мужчины с залысинами, как у Микки-Мауса, покраснела шея, а его спутница – дама, напоминавшая Камиллу Паркер Боулз, – сверкнула глазами и наострила уши.

– Просто жеребец, – понесло Лизу. – Девочки, вы не представляете, какое у него тело! Мечта! Крупный, спортивный, мускулы – железо, а кожа гладкая-гладкая... И он весь такой горячий, заводится с полубороты, мы с ним из постели не вылезали – у него эрекция круглосуточно...

– Да-а... – перебила Варя. – Чувствую, тебя и правда пробрало.

– А я о чем говорю? – с восторгом согласилась Лиза. – Вы же мне не верите... Вы вообще меня всегда обламываете: «Ой, не смей нас, это у тебя до следующей пятницы!» – передразнила она. – А я, наконец, влюбилась, могли бы порадоваться!

– Мы радуемся, – заверила Маша.

– Безудержно радуемся, – подтвердила Варя. – И где он сейчас?

– Уехал в Лондон по делам на неделю, – с гордостью ответила Лиза, словно Федор уже был ее мужем.

– А что, вообще планы какие? – небрежно поинтересовалась Варя.

– Ну... – задумалась Лиза. – Не знаю. Мы когда прилетели из Сан-Марино, он поехал домой переодеться, а потом обратно в аэропорт. Приедет – позвонит.

Девушки помолчали.

– А вдруг не позвонит? – мрачно произнесла Лиза.

– У тебя ведь есть его телефон? – с сочувствием спросила Маша.

– А если он не снимет трубку? – еще более мрачно предположила Лиза.

– Я знаю, где достать смертельную дозу мышьяка, – прошептала Варя.

– А я могу испортить тормоза в твоей машине, – с улыбкой матери Терезы сообщила Маша.

– В общем, чтобы потом не было мучительно больно, поехали в «Гараж» – пить, знакомиться с легкомысленными красавцами и отмечать мой отпуск! – Варя хлопнула по столу рукой и помахала официантке.

* * *

– Вы гадкие, противные, наглые эгоистки! – шипела Лиза в такси. – Вам наплевать на мое личное счастье. Вам бы только тусоваться, а я вам нужна как приманка для половых извращенцев!

– А ты носи юбки ниже талии, тогда мы перестанем тебя использовать в корыстных целях! – хихикнула Маша.

– Между прочим, когда ты была замужем, твое личное счастье заключалось в том, чтобы увильнуть от мужа часа на два, за это время ты умудрялась напиться, погрязнуть в

разврате, протрезветь и потом закатить мужу скандал за то, что он купил тебе такую машину, которая вечно попадает в пробки! – воскликнула Варя. – Так что мы, как настоящие подруги, рады хотя бы тому, что ты стала меньше врать.

– Все равно мне кажется, что вы – подлые гадины, – упрямыствовала Лиза.

Они подъехали к клубу.

– Ой... – Лиза высунулась из окна. – Какой пупсик... Вон тот, в белой кожаной куртке. Девочки! Ну что вы копаетесь! Упустим ведь парня!

Глава 1

Пять лет назад Варя открыла дверь женской комнаты в клубе «Студия» и наткнулась на девицу, которая стояла, привалившись спиной к двери кабинки – в одной руке сигарета, в другой стакан, на плече две женские сумки.

– Что?! – рявкнула девица в ответ на удивленный взгляд.

Варя пожалала плечами, отвернулась и протиснулась в свободный туалет.

– Если ты немедленно не выкинешь этого подонка из головы, я прямо сейчас пилкой для ногтей сделаю тебе лоботомию! – завопила развязная девица.

В кабинке кто-то тихо всхлипнул. Девица шмякнула кулаком по двери.

– Ты меня слышишь? Или мне выломать дверь?

– Слы... – всхлип, – шу... – проямлил за дверью девичий голосок. – Но... Я так его любила-аа!.. А-аа!..

Из-за стены, отделявшей Варю от убежища девушки, понеслись вопли, рыдания и стоны.

– Что-то случилось? – спросила сердобольная Варя, когда вышла из туалета, у девицы со стаканом и двумя сумками.

Она до сих пор не могла объяснить, почему тогда полезла не в свое дело, как решилась обратиться к этой грубиянке, но вопреки здравому смыслу Варя сделала это и в итоге получила двух самых любимых подруг.

– Случилось, – ответила девица. – Если так интересно, я скажу, в чем дело. Ее парень... – она ткнула стаканом в сторону кабинки, где укрывалась ее приятельница, – пропал на неделю. На седьмой день позвонила какая-то шлюха и потребовала, чтобы Маша... Она – Маша. – Стакан снова взметнулся и чуть не столкнулся с дверью. – Я, кстати, Лиза.

– Варя, – представилась Варя.

– Маша, поздоровайся с тетей! – велела Лиза.

– Привет, – пискнула Маша.

– Так вот, – продолжила Лиза. – Эта мерзавка потребовала, чтобы Маша уложила его вещи. Мистер Шустрый Член притащился, упал на колени и попросил... произношу по слогам: по-тер-петь! Сказал: «Ах, дорогая, я так тебя люблю, в моей душе одна ты, пожалуйста, потерпи, пока я не сотру член об эту похотливую самку, а потом я снова удостою тебя такого неземного блаженства, как секс со мной и моим непоседливым другом, который мешает мне ходить, лишь только в поле зрения попадаетея дешевка с сиськами, как дыни!» Выходи немедленно, иначе скажу охране, что ты нюхаешь кокаин! – завопила она Маше.

– Мы встречались три года! – крикнула невидимая Маша.

– Да я за три года вышла замуж, развелась, еще раз вышла замуж и опять развелась! – парировала Лиза. – Встречались! Ха-ха-ха! У тебя есть мужчина? – обратилась она к Варе.

Неделю назад Варя рассталась с молодым человеком, который понимал совместную жизнь так: Варя кормит, гото-

вит, убирает, стирает – за свой счет, разумеется, а он ложится в шесть утра, спит до трех, слушает музыку, читает, роется в Интернете и презирает то, чем занимается Варя. Варя писала сценарии для сериалов – молодой человек называл эту работу поденщиной, но усердно проедал гонорар за двадцатисерийный фильм «Ложные чувства». Через месяц Варя депортировала молодого человека в Бутово – к его маме, бабушке и трем вонючим кошкам.

– Ну... – смутилась Варя. – Был. Не понимаю, что я в нем нашла, – полное ничтожество...

Дверь скрипнула – из кабинки выползла зареванная девушка с размазанной по лицу тушью. У нее были светло-русые волосы с рыжим отливом, тонкие черты лица, светло-карие глаза и стройная фигура.

– Ой, ты похожа на невесту Чаки, – вздохнула Лиза. – Умывайся давай.

Маша послушно смыла косметику, причесалась, припудрилась, убрала волосы в хвост.

– Значит, так, – заявила Лиза, залпом допив коктейль. – Едем отсюда в тихое место, где мы можем спокойно пообщаться на тему «Мужчины – мерзкие подонки, которые заслуживают кастрации».

Варя попыталась вежливо улизнуть, но Лиза резко окликнула ее:

– Э-ээ! Ты куда это? Мы свидетелей не оставляем. Едешь с нами.

– Неделю у нас был секс, секс, секс и еще раз двадцать секс! – жаловалась Варя. – Потом выяснилось, что он очень устает, пока едет из своего Бутова...

– Как ты вообще могла связаться с парнем из Бутова?! – возмутилась Лиза.

– Слушай, я как-то не думала о том, что мужчину выбирают по территориальному признаку... – Варя всплеснула руками.

– Зря, – строго ответила Лиза. – Никаких Бутово, мало того – никаких москвичей в первом поколении. Только третий помет, в пределах Садового кольца, и только при условии, что ни его родители, ни тем более прародители не жили в коммуналке.

– Это еще почему? – удивилась Варя.

– Послушай-послушай, – усмехнулась Маша. – Тянет на Нобелевскую премию в области сексуальных отношений.

– Значит, так. – Лиза отмахнулась от Маши. – Если его прадедушка был одним из тех, кто во время революции приехал в столицу, вселился к какому-нибудь бывшему профессору, грабил награбленное, писал мимо унитаза, то какой у него мог получиться внук? Такой же мародер? Ты вот что сделаешь, если в твою квартиру поселят какого-нибудь чмошника, который будет есть из твоих тарелок, пить из тво-

их чашек, и каждый вечер на твоей кухне станут жрать ханку пять-шесть Шариковых? Выйдешь замуж за одного из них? Ты уверена, что из их внуков получатся достойные люди?

– Ой, – вздохнула Варя. – Но в коммуналках жили ведь не только мародеры. Довлатов жил в коммуналке. И Булгаков, между прочим.

– Именно поэтому, прежде чем начинать отношения, я выясняю происхождение. – Лиза потянулась к сигаретам. – А Довлатов, кстати, пил, жил бедно, и, судя по книгам, у него были непростые отношения с женой, которая страдала от неустроенности. Также говорят, что он был совершенно невыносим. А Булгаков не выдержал и умер.

– Ты два раза разводилась, – буркнула Маша. – Сильно тебе помогла твоя евгеника?

– По крайней мере, я разводилась с приличными, культурными мужьями! А не с какими-нибудь бармалеями, после которых можно недосчитаться серебряных ложек! Вот твой альфонс из Бутова, как туда попал? Наверное, жил в центре, а потом их разменяли и отселили к черту на куличики? – Лиза бросилась на Варю.

– В общем, да, – мужественно призналась Варя. – Но, по моему, ты все-таки не права.

– Для себя я права. Мне так удобно. Это моя жизнь, – надулась Лиза. – Не хочу якшаться с хамами и неудачниками.

– Первый муж оставил Лизе дом в Переделкине, второй – пожизненное содержание, – заметила Маша.

– А ты говоришь, моя теория не работает! – расхохоталась Лиза.

– Ты, кстати, не дала Вале договорить, – укорила ее Маша.

– Ну, сначала был секс, – продолжила Варя. – А потом он переехал ко мне и вообще перестал шевелиться. Ел, пил, страдал, жаловался на творческий кризис...

– Чем он занимался? – поинтересовалась Маша.

– Журналистикой, – вздохнула Варя. – Внештатно. Писал рецензии на книги. Вроде как. В общем, полный бред. Иногда сочинял стихи. Жуткие.

– Фу! – вздрогнула Лиза.

– Не знаю, как я с ним связалась. – Варя пожала плечами. – Просто я писала сценарий, очень нервничала, личной жизни вообще не было, а тут он со своим секс-марафоном...

– Девушка! – закричала Лиза официантке. – Мы когда-нибудь увидим меню?

* * *

Лиза начала работать от скуки. Ее третьему мужу принадлежало издательское дело; Лиза пробовала писать, но для этого пришлось слишком долго сидеть задницей на стуле и ломать глаза об экран ноутбука. Тогда она купила фотокамеру и таскала ее на все светские сборища – светская хроника в двух глянцевого журналах, четырех газетах и трех еженедельниках (собственность мужа) публиковала только ее фотогра-

фии. Потом Лиза переключилась на моду: к удивлению мужа, она делала необычные, интересные и шокирующие фотографии.

– Значит, так, – распоряжалась она. – Все идут в туалет, снимают трусы, брызгают на себя водой, а потом уже надевают одежду. Без трусов. Секса мало.

Модели в белых летних нарядах, прилипших к бедрам, выходили более чем сексуально, а когда Лиза повадилась вместо манекенщиц нанимать стриптизерш, читатели завизжали от восторга. В отличие, кстати, от рекламодателей, которые постоянно ворчали, что их товар неправильно позиционируется. Поэтому Лиза хоть и была знаменита, но в узком кругу, и работа ей перепадала от случая к случаю. Но это Лизу не смущало – ей нравилось, как она говорила, быть в андерграунде, к тому же муж удовлетворял все ее прихоти.

– Понимаешь, – говорила Маша Варе. – Ей даже в голову не приходит, что у нее что-то может не получиться. Я ей по-хорошему завидую. Она придумывает себе всякие теории вроде мужчин из коммуналки, и почему-то у нее все выходит. Третий раз вышла замуж, всю жизнь баклуши била, а тут вдруг принялась работать, и сразу же все получилось... А внешность?!

Лиза была красавица. Огромные ярко-голубые глаза, полные, как у Софи Лорен, губы, фарфоровая кожа, высокие скулы, аккуратный круглый подбородок, светлые волосы – казалось, невозможно быть такой красивой и совершенной.

К тому же она была высокой – метр семьдесят пять, с полной грудью, и единственное, что немного портило ее фигуру, – широкие бедра, но Лиза и это считала достоинством.

Маша познакомилась с Лизой в магазине. Она получила зарплату за первый месяц работы в качестве заместителя коммерческого директора на радио и собиралась усовершенствовать свой внешний вид. Когда она остановила выбор на сером костюме из буклированной шерсти и темно-синей блузке в горошек, какая-то девушка в собольей шубе подошла к ней и сказала:

– Если вы это купите, я задушу вас собственными руками.

Они три часа провели в магазинах, и за это время Маша навсегда вычеркнула из жизни строгие деловые костюмы, туфли на низком каблучке и серо-коричневую гамму.

– Машка потрясающая, – с нежностью уверяла Варю Лиза. – Она такая целеустремленная... Она точно знает, что хорошо, что – плохо. И никогда не пойдет против своих убеждений. Поэтому она единственный человек, которого я уважаю.

У Маши когда-то был муж – они жили три года. Потом муж занял должность продюсера развлекательных программ на молодежном ТВ и заявил Маше, что, раз уж она зарабатывает меньше, будет справедливо, если свои деньги он станет тратить на себя. Потому что ему хочется ощутить свои достижения, а не покупать Маше вещи, которые она когда-нибудь потом сама себе купит. Он в нее верит, но просто не хо-

чет ее испортить, не хочет, чтобы она чувствовала себя обязанной. А вскоре нашлась женщина, достойная его. С Машей ведь невозможно появляться в обществе: она выглядит как бедная родственница и честно краснеет, встретившись с Ильей Лагутенко.

Маша благородно вывезла свои вещи, а потом дозвонилась в прямой эфир молодежного канала и сказала, что хочет передать привет бывшему мужу, продюсеру развлекательных программ, мерзавцу, импотенту и просто засранцу.

Вышел скандал, но Маша предусмотрительно уехала в Гоа, где провела полгода в размышлениях о жизни и о мужчинах.

* * *

– Лара Крофт, – сказала Лиза.

– Один в один, – подтвердила Маша.

Они стояли в примерочной и смотрели на отражение Вэри в шортах цвета хаки и белой майке. Смуглая кожа, карие глаза с длинными ресницами, мускулистое тело, каштановые волосы ниже лопаток.

Лиза, признанный в их узком кругу эксперт по одежде, повела всех на весенний шоппинг.

– Разве вас одних отпустишь? – ворчала она, пока они пробирались сквозь затор на Ленинском проспекте. – Эта... – она кивнула в сторону Маши, – тут же нарядится

в какую-нибудь хламиду, а ты, Варя, прекрасно одеваешься, только не в своем стиле.

Они дружили уже пять лет. Лиза участвовала в фотобиеннале и продала все работы англичанам, Маша купила квартиру, Варя из неизвестной сценаристки превратилась в известную, но личная жизнь у всех троих разваливалась. Лиза балансировала на грани развода, муж второй месяц намекал: если они тихо и мирно разведутся, он купит ей загородный дом. Маша год назад рассталась с молодым человеком и чуть было не завела кошку – подруги отговорили, убедив ее в том, что от одиночества кошек заводят женщины, поставившие крест на сексе и мечтах найти единственного и неповторимого. Варя едва выбралась из запутанных отношений с мужчиной, который через полгода признался, что женат, а потом выяснилось, что женат он не был, но они опять не расстались, пока Лиза не увезла Варю к себе и не убедила ее в том, что она все еще молода, красива, талантлива, даже несмотря на то, что мужчины этого не понимают и не ценят.

– А может, мы просто не хотим быть с кем-то? – предположила Варя.

Несмотря на то что календарь показывал март, на улице было холодно, шел снег, дул гадкий, ледяной ветер, и уже казалось, нет никакой надежды, что весна когда-нибудь наступит.

– То есть? – лениво спросила Лиза.

Они сидели у нее в доме, уставившись во французское ок-

но на сугробы.

– Ну, если мы не можем удержать ни одного мужчину, может, нам это пока не нужно?

– Мне нужно, – буркнула Маша.

– Так в чем же дело?! – воскликнула Варя.

– Дело в том, что при всем моем большом желании найти себе пару... – Маша заговорила так, словно объясняла генеральному директору радиостанции, почему годовой рост доходов от рекламы не соответствует его ожиданиям, – меня действительно не устраивают те мужчины, с которыми я встречалась. Непреодолимые разногласия.

– О чем мы говорим, если все вокруг разводятся! – воскликнула Лиза.

– Кстати, да, – согласилась Маша. – Я много раз могла выйти замуж – надо было стать не такой придиричивой, пойти на компромисс, пожертвовать чем-то ради чего-то... Но в моей жизни не было ни одного мужчины, ради которого мне хотелось чем-то жертвовать.

– Я три раза ходила замуж, и что? – Лиза пожала плечами.

– Ты же еще замужем, – изумилась Варя.

– Суд послезавтра, – вздохнула Лиза. – Собственно, это прощальная вечеринка в этом доме. Завтра соберу остатки вещей – и домой... Блин, он такой милый, что даже жалко как-то. Такой воспитанный и начитанный... Чудо, а не мужик.

– Зачем же ты разводишься? – поддела Маша.

– Не хватает чего-то. – Лиза пощелкала пальцами. – У меня еще ни разу не было так, чтобы влюбиться и забыть обо всем на свете.

– Ну, конечно, ты ведь все планируешь – родословная, доходы, расходы, культурные увлечения... – хихикнула Варя. – Тут уж не до романтики.

– Может, я бы изменила точку зрения, если бы простой официант заставил мое сердце биться быстрее, но такого пока еще не случилось, – отрезала Лиза. – Кстати, у меня был один официант – он пригласил меня на фильм «Я, снова я и Ирэн» и ржал так, что соседи то и дело оборачивались. А потом купил мне в палатке кофе «три в одном» и занял денег на такси. Простите, но этот кофе отравил мою любовь.

– Я понимаю, что хочет сказать Лиза, – вмешалась Маша. – Мне тоже постоянно чего-то не хватает. Сначала есть секс, а когда секс заканчивается, то ничего не остается. Вылезает всякая дрянь по мелочи, и ты понимаешь, что ничего, собственно, и не было, кроме кратковременной гормональной бури.

– Давайте устроим танцы. – Лиза вскочила и бросилась к CD-проигрывателю. – Ну их, мужчин. Быстро переодеваемся и оттопыриваемся.

Они побежали вверх, в Лизину спальню, нацепили самые блестящие, короткие и провокационные платья, которые только нашлись в гардеробе, накрасились, начесали челки, поставили Бонни Тайлер (которую Маша, пока была

трезвая, называла певицей для домохозяек) и устроили в безразмерной гостинной «лихорадку субботнего вечера».

* * *

Спустя десять дней Варя сдала последнюю серию, купила билет до Ко Пангана, Лиза познакомилась с новым парнем – таинственным Федором, а Маша купила «Ниссан Микра».

После того как они все это бурно отметили, Варю слегка мутило, но на то она и рассчитывала. В самолете лучше спать, чем бодрствовать, – лететь все-таки пять часов.

Лиза вчера весь вечер зудела о своем новом друге – прорвалась вслед за Варей в туалет и пыталась ее рассказами о том, как ей хочется возвращаться к кому-то, как надоело включать в пустой квартире свет, ложиться в слишком большую кровать...

Маша же набралась сверх обычного и познакомилась со всеми одинокими мужчинами, причем каждому через пять минут говорила следующее: «Я ищу мужа. Так что, если у вас несерьезные намерения, лучше нам прямо сейчас расстаться».

– Маш, что ты мелешь? – Варя зажала ее в углу и попыталась образумить.

– А что? – сопротивлялась Маша, с трудом фокусируя на ней взгляд. – Все так на самом деле думают. Надоело притворяться!

Варя приняла аспирин, пристегнула ремень и отключилась до самого Бангкока.

* * *

На острове, шлепая за служащим отеля по белому песку, Варя еще на ходу, с несессером в руках начала отдыхать. Пряный воздух, прозрачное море, яркая зелень и тишина пьянили. Она предвкушала три недели в полном, восхитительном одиночестве – от волнения даже засосало под ложечкой. Это было прекрасно. Никаких разговоров. Никаких мыслей. Никаких вечеринок, мужчин и проблем.

Ура!

Ей хотелось упасть на песок и болтать руками-ногами, хотелось, высоко поднимая колени, бежать по воде и нелепо бултыхнуться с разбега, хотелось вопить и визжать, но она боялась напугать худенького тайца и отложила увеселительную программу на потом.

Ее бунгало было крайним. Она не пожалела денег на самый дорогой отель, в котором останавливалось мало народу, но главное – бунгало располагались на порядочном расстоянии друг от друга.

Домик был отличный – со сдержанным восточным дизайном, просторной ванной, огромным телевизором и большой верандой.

Таец что-то пробормотал насчет обслуживания в номере,

получил чаевые и ушел, пожелав хорошего отдыха.

Варя вышла на веранду, вдохнула воздух, осмотрелась, а потом все-таки разбежалась и плюхнулась в воду – прямо в одежде и сандалиях.

«Это счастье! – думала, барахтаясь у берега, она. – Счастье!»

Выбравшись из воды, стянула одежду и бросилась в море голой – чтобы всей кожей впитать теплую соленую воду. Вода обласкала – тело казалось легким, воздушным и свежим, словно не было ночного пьянства, самолета и отвратительного переезда из столицы на остров.

«Три недели – я, только я и я, – восторгалась Варя, сидя на песке и обсыхая на ветру. – Ура!»

Глава 2

Спустя неделю Варя поправилась на три килограмма, научилась читать, думать и говорить и решила остаться здесь навечно.

«Как там у тебя?» – прочитала она Лизину SMS-ку.

«Лучше не бывает. Ем, сплю, иногда шевелю пальцами рук. Это счастье. Выхожу замуж за тайца и остаюсь здесь», – ответила Варя и бросила телефон в сумку.

Связь с миром раздражала: так хотелось верить, что ни сериалов, ни телевидения, ни баров, в которых полно зазнавшихся, холеных, самоуверенных и снисходительных мужчин, не существует. Варя наконец чувствовала себя самой собой, а не автором популярных сериалов, которому следует держать марку; не модной циничной девицей, которой якобы все равно, с кем уйдет домой красавец из рекламы жвачки – с ней или с моделью; не преуспевающей женщиной на хорошей машине в дорогой шубе, на которую не без зависти пялятся девицы в пуховиках и синтетических брюках. Она была просто Варей, девушкой, которая обожает часами валяться с детективом или женским романом, может тоннами лопать креветки с фруктовым салатом, подолгу разглядывает фотографии Мадонны в журнале «Хэлло», млеет и дуреет от Робби Уильямса и считает, что манекенщицам весь целлюлит убирают с помощью компьютера, а на самом деле они

толстые и страшные...

Жизнь казалась простой и понятной.

Дома ее грызло недовольство: платят хорошо, но другие получают больше; ее уважают как сценариста, но до Татьяны Устиновой ей далеко; гардероб забит тряпками, а надеть нечего; все приличные люди ходят в последнем «Маккуине», а она все еще закупается в «Мотиви»; квартира в центре, но однокомнатная – приличные люди не обедают в спальне, она же кабинет и гостиная...

Здесь, на острове, Варя просыпалась рано – оттого, что не хотелось зря тратить секунды и минуты жизни, полной удовольствий. Открыла глаза, увидела море – отлично. Потянулась, сварила кофе, налила его в большую голубую чашку, разбавила молоком – уже кайф. Вышла с чашкой на пляж: каждый шаг, каждый луч солнца, каждое прикосновение ноги к теплему сухому песку, дуновение ветра, движение волны – все это отзывалось в ее душе таким восторгом, что внутри живота щекотало, тихо ныло под ложечкой и хотелось смаковать каждое мгновение.

* * *

В десять утра Варя валялась в шезлонге, разомлев под ласковым утренним солнцем, как вдруг увидела, что по ее пляжу шлепает незнакомый мужчина. Формально пляж был общий, но гости отеля ходили на цивилизованный пляж с

баром, рестораном, прокатом скутеров, а обитатели бунгало ревностно относились к уединению и за невидимую границу, отделяющую территорию одних постояльцев от других, не заходили.

Появление незнакомца Варю возмутило: «Ничего себе! – бурчала она про себя. – Ходит здесь, как по тротуару! Деликатности никакой».

Но тут незнакомец подошел ближе, и Варины мысли потекли в другом направлении.

Это был очень красивый мужчина. Высокий, спортивный, с золотистой кожей, с плоским мускулистым животом – он был так сексуален, что Варя сглотнула и отвела глаза. Смутившись и разозлившись на то, что смутилась, Варя нахально уставилась на нелегала, от чего совершенно разволновалась. Короткие русые волосы, светло-карие глаза, впалые скулы, волевой подбородок, широкая челюсть, выгоревшие брови, полные капризные мальчишеские губы... «Уф! – выдохнула Варя. – Да по сравнению с ним Брэд Питт – щенок».

Он остановился рядом и поздоровался по-английски:

– Привет.

– Привет, – буркнула Варя.

Он посмотрел на книжку, перевернутую обложкой.

– Вы русская? – спросил он все еще по-английски.

– Вроде бы, – ответила Варя, глядя на книжку.

– Здорово! – на чистом русском языке воскликнул тот. –

Из Москвы?

– Это что, так заметно? – нагло поинтересовалась Варя.

– Да, – серьезно ответил он. – Меня всегда удивляет, почему москвичи так не любят, когда за границей встречают русских. Им кажется, что они какие-то особенные, культурные, европейские русские, а остальные – деревня, нувориши и азиаты. Странно.

Варе стало стыдно. Она чуть было не принялась извиняться, подробно распространяясь на тему того, что она просто предпочитает одиночество, но вовремя передумала и решила, что пусть уж лучше он считает ее хамкой и снобкой, чем у них начнется совершенно лишний, ненужный, глупый курортный разговор и еще более глупый курортный флирт, переходящий в бездарный роман.

Других романов ни у Вари, ни у Маши, ни у Лизы никогда не было.

А некоторые девушки уезжали в Италию, надевали элегантные платья и сидели там на террасах при свечах, загадочно улыбаясь остроумным мужчинам. А потом незаметно выскальзывали из кружевного белья за триста долларов комплект и томно вздыхали в крепких мужских объятиях...

Мало того, что Варя в магазинах дорогого белья впадала в ступор и уходила без покупок, озадаченная тем, что такая вот фигня, которая половину жизни проводит под одеждой, а другую половину валяется на полу, зачем-то стоит таких бешеных денег, так она еще и не видела в своей жизни мужчину, ряды которого готова была на короткий миг предстать

в кружевах ручной работы.

Вот, например, кульминацией самых романтических Машиных отношений была поездка в Париж на выходные. Она надела элегантное платье, посидела при свечах, прониклась атмосферой, слегка перепила, в номере налила красного вина, поставила два высоких фужера на тумбочку, скользнула под простыню, взмахнула шелковым покрывалом – стаканы полетели в кровать, вино пропитало матрас, а остаток ночи они пытались уничтожить следы преступления с помощью мыла, шампуня и фена.

Лиза же после ужина за городом с идеальным мужчиной, в идеальном костюме, на идеальной машине так возбудилась, что забыла выключить сигнализацию – в самый ответственный момент нагрянула милиция, молодой человек скис – он был известной в деловом мире личностью, а в паспорте, который у него потребовали вредные милиционеры, пока забывчивая Лиза искала свой (который оказался в косметичке, которая лежала в чемодане, который уже месяц спокойно лежал в кладовке после того, как Лиза приехала из Нормандии), оказалась пометка о браке... Милиционер так запросто и поинтересовался, не она ли Марина Якушина, расписавшаяся с Антоном Якушиным в 1993 году... Пока счастливый муж и, как выяснилось, отец рассказывал Лизе, что не живет с женой уже три года, мстительная Лиза заявила милиционерам, что знать его не знает, что он затолкал ее в машину и пытался изнасиловать. Опытные милиционеры не

поверили Лизе, зато идеальный мужчина разуверился в их отношениях и минут десять орал, что она склочница и сука.

Варя год ухаживала за актером, с которым познакомилась на съемках сериала «Место свободно», вытянула его на свидание, надела полупрозрачное белое платье из шифона, а в ресторане у нее начались критические дни, и она лихо убежала от кавалера, прикрыв задницу ладонями.

Поэтому от курортного флирта с загорелым незнакомцем Варя ничего хорошего не ждала – она знала, что на пути к счастью в личной жизни ее подстерегают разочарования, приступы самобичевания, позор и унижение. А всего этого она желала избежать – хотя бы на три недели в году, отчего хмуро посмотрела на красавца, пожала плечами и потянулась за книжкой.

Красавец ухмыльнулся и пошел дальше по берегу.

Открыв рот, Варя смотрела ему вслед. Ей хотелось крикнуть:

– Эй, стой! Как же так? Это все? А кто же будет меня уговаривать, клеить, настаивать и приглашать на ужин, несмотря на мое отчаянное сопротивление? Назад!

Но молодой человек удалялся, не оглядываясь, а Варя пялилась на его великолепную мускулистую спину, на мощные руки и упругие ягодицы, которые даже в просторных боксерах выглядели так соблазнительно, что ей стало стыдно за свои порочные мысли.

– Какой мужчина!.. – простонала Варя.

Но, решив, что любить и страдать с удвоенным энтузиазмом начнет в городе, Варя попробовала выкинуть молодого человека из головы (не вышло) и пошла купаться.

Вечером Варя, чтобы вконец не одичать, отправилась в кафе на пляже, заказала «лонг айленд», устроилась в плетеном шезлонге и занялась любимым делом – созерцанием горизонта.

– Здравствуйте, – услышала она сзади.

Обернувшись, встретилась глазами с красавцем с пляжа. Он был в светло-голубых брюках и трикотажной темно-серой рубашке в оранжевую полосу с короткими рукавами.

– Я вас не обидел утром? – вежливо поинтересовался он.

– Да нет, в общем-то... – промямлила Варя. – С какой стати...

– Я на работе не привык церемониться, поэтому иногда меня заносит, – пояснил красавец. – Простите. Не хотел быть грубым.

– Вы, наверное, большой начальник, – догадалась Варя. Произнесла она это так ехидно и так при этом глупо ухмыльнулась, что чуть не заплакала от стыда.

– Я очень большой начальник, – улыбнулся тот. – Просто огромный.

Повисла пауза.

– Ну, ладно. – Он пожал плечами. – Приятного вечера.

Он развернулся и пошел к столику, за которым его ждала роскошная блондинка – настолько роскошная, что Варя по-

чувствовала себя хромой, одноглазой карлицей. У девушки были длинные платиновые волосы, огромные глаза, аппетитный бюст упакован в умопомрачительное платье из летней коллекции Роберто Ковали – такое Варя видела в последнем «Космополитен». Варя хорошо глотнула коктейля и уставилась на прекрасного незнакомца, который улыбался и прикасался к Мисс Сверхсексуальность.

Варя погрузилась в уныние. «Конечно, она нежная и чувственная, она три часа утром приводит себя в порядок, она не знает о том, что можно проснуться за десять минут до выхода, нацепить майку наизнанку и в таком виде завалиться на собеседование с английскими инвесторами, – зловредничала она. – А он так привык ко всему первоклассному, что даже и не подозревает, что на свете есть женщины, которые одеваются на распродажах и неделями не выметают из-под кровати рассыпавшиеся из пепельницы окурки. Идеальная пара. Ой-ей-ей... – застонала она. – Неужели все мои мужчины меня достойны? Неужели даже тот алкоголик, который год жил за мой счет, а потом выяснилось, что он гомосексуалист? То есть я только его и достойна?..»

Пока Варя не без содрогания вспоминала все свои самые сомнительные интрижки, небожители расплатились, поднялись с места и прошествовали мимо нее. Варя подняла голову, попробовала состроить на лице отрешенное выражение, но красавец мужчина посмотрел на нее с пониманием и подмигнул, отчего она почувствовала, как краснеют, просто по-

лыхают уши.

«Козел...» – с презрением подумала Варя и приняла мечтательный вид.

* * *

В час ночи Варя так близко подружилась с бутылкой рома «Малибу», что валялась с той в обнимку у костра, который развела в честь «Пиратов Карибского моря».

– Сегодня ты пья-аан, а завтра бога-ат... – распевала Варя, не смущаясь тем, что отчаянно фальшивит.

– Я смотрю, вечеринка идет полным ходом, – послышался мужской голос.

Варя лениво обернулась и уставилась на небожителя, который по непонятной причине избавился от небожительницы и очутился здесь – на ее пляже.

– Вход на вечеринку... – Варя попробовала установить, заплетается ли у нее язык, не установила и приподнялась на локтях, – через фэйс-контроль.

– А я его, наверное, не прохожу? – расхохотался он.

– Я лучше, чем это кажется с первого взгляда, – обиделась Варя. – Садитесь. Будете нашим... – она встряхнула бутылкой, – гостем. Хотите?

– Давайте. – Он взял ром, сделал глоток и зажмурился. – Хорошо.

– А где ваша... – Варя чуть было не сказала «цыпа», но

осеклась, – подружка?

Небожитель наклонился к ней и доверительно прошептал:
– Подружка – жена моего старшего экономиста. Я проявляю корпоративную поддержку – развлекаю жену сотрудника, пока тот мучается от ожогов.

Секунду Варя чувствовала подвох. Внутренний голос возмутился: «Так не бывает! Роскошные блондинки в умопомрачительных тряпках не оказываются женами старших экономистов! Не случается таких замечательных совпадений!»

Но все это длилось ровно секунду, а в следующую Варя уже глупо улыбалась прекрасному незнакомцу, говорила, что она – Варя, восхищалась тем, что его зовут Богдан, и пыталась так устроиться на песке, чтобы были видны соблазнительные бедра, тонкая талия и тонкая щиколотка, которой Варя особенно гордилась.

* * *

Она не знала, что так бывает. Или забыла. Или всю жизнь она была скованная, зажатая и робкая, а сейчас вдруг что-то прорвалось.

Они сразу потянулись друг к другу, и Варя ощущала такую легкость, такой всплеск сексуальной энергии, такую гармонию своего тела с горячим, нежным, большим и мускулистым мужским телом, что по рукам, губам, бедрам неслись мурашки, кожа горела, а в голове пульсировала мысль: «Как

хорошо... Боже мой, как хорошо!»

Теоретически Варя очень любила секс. Но при этом она тайно любила женские романы, в которых все заканчивается сексом на пятнадцать страниц и нигде нет предупреждений, что в реальной жизни у любовника может вскочить прыщ на спине, он может не почистить зубы на ночь, а на его «мужском достоинстве» может образоваться раздражение от твоей неудачной эпиляции линии бикини.

Конечно, Варя смирилась с тем, что зимой иногда невозможно заниматься любовью без носков, что приходится вступать в переговоры: «Сейчас, дочитаю до конца главы» – «Ну, ладно, я пока белье постираю», но в душе она осталась пятнадцатилетней девицей, которая уверена, что любовь – это фейерверк, импровизация, романтика... Она каждый раз напрягалась, когда очередной мужчина говорил: «Ты не могла бы подвинуться, а то мне неудобно» или: «Подожди, мне надо в туалет»... Варя считала, что глупо обращать внимание на такие естественные вещи, но все же каждый раз приходила в уныние.

Но с Богданом она не чувствовала, что это – секс. Варя ощущала близость, пронзительную, глубокую... Она жадно прижималась к нему, гладила его бедра, кусала губы – то яростно, то, одумавшись, нежно, гладила его затылок, который отчего-то сводил ее с ума, целовала в ключицу, впивалась в шею и так отзывалась на его ласки, что соседи могли бы подумать, что в ее бунгало совершают ритуальное убий-

ство... Вдыхала запах его кожи – запах солнца, соленой воды, пота, духов... Она, уткнувшись носом в его плечо, дышала им, пока он не находил ее губы своими – крепкими, горячими и сухими. Ей казалось – если прямо сейчас все это не закончится, она не выдержит, но в то же время не могла представить, что у всего того, что происходит, должна быть развязка, что есть финал. Но когда он немного затих, она готова была его задушить:

– Давай... – простионала она. – Сейчас...

И тут же почувствовала, как мир теряет границы, – не существовало ни кровати, ни бунгало, ни Таиланда, ни планеты Земля, – они парили в невесомости, их несло в сторону каких-то новых галактик, где нет ни конца, ни начала. Варя вцепилась в Богдана и не отпускала, несмотря на то что все закончилось, и уже страшно хотелось пить, и даже курить, и вытереться простыней. Она лежала с закрытыми глазами, в которых мелькали вспышки, и ощущала, что время остановилось.

Варя почувствовала – он на нее смотрит. Открыла глаза и совсем близко увидела его – такого понятного, с капельками пота на смуглой, гладкой коже, с яркими, словно нарисованными губами, с карими глубокими глазами, которые смотрели на нее удивленно и томно.

– Ой, дева-ачки, – произнес он мечтательно, – я, кажется, влюбилась...

– Смотри, аккуратней... – строго ответила Варя. – Я со-

вершенно бессердечна.

– Ах, какое это имеет значение, – отмахнулся он. – Делай со мной что хочешь. Я лишен силы воли и трезвого разума.

Варя хихикнула, а он предложил:

– Пойдем, искупаемся?

– Пойдем... – согласилась Варя.

Не одеваясь, они вышли на улицу, с радостью приняли на грудь теплый ночной ветерок, бросились в воду, а потом еще долго качались на двухместном матрасе, пили ром и наслаждались друг другом до полного бессилия.

Глава 3

– Девочки, – коричневая от загара Варя закатила глаза, вдохнула и выдержала паузу, – это был самый настоящий секс-марафон! Мы два дня не выходили из бунгало!

– И?.. – спросила Маша.

– Никакого такого «и». – Варя пожалала плечами. – Он уехал, я еще неделю провела в неземном блаженстве, вот и все.

– Он что, даже не позвонил? – нахмурилась Лиза.

– Вы забыли, что я вчера прилетела? – всплеснула руками Варя.

– Ну... – Маша подняла брови. – Неужели тебе не хочется продолжения?

– Не знаю... – Варя задумалась. – Все было так идеально, что в жизни он просто обязан оказаться занудой, педантом и латентным гомосексуалистом.

– Но мой Федор ведь не оказался, – с гордостью заявила Лиза.

– Значит, теперь он «твой» Федор? – хихикнула Варя.

– Конечно. Я мечу свою территорию, – призналась Лиза. – Ставлю на мужчинах клеймо.

– Это уже не та Лиза, которую мы знали и любили. – Маша склонилась к Варе. – Это типичная патриархальная домохозяйка, готовая пожертвовать вечеринкой с обнаженны-

ми голливудскими знаменитостями ради того, чтобы приготовить мужу сациви и хачапури.

– А ты, Маша, говоришь сейчас, как типичная старая дева, которая даже не представляет себе, что с таким страшным, грубым и похотливым животным, как мужчина, может быть хорошо. И что это животное хочется накормить сациви и создать ему домашний уют! – вспыхнула Лиза.

– Де-воч-ки! – прикрикнула Варя. – Вы тут без меня что, распустились совсем? Что вы вообще привязались к этому сациви? Мужчина – это бог секса, еда тут ни при чем.

– Ну вот, и ты туда же! – разозлилась Маша. – Я просто не могу больше выслушивать, как ОН спит, как ОН смотрит в окно, как ОН трогает ей грудь и гладит по волосам! Для всего есть мера! Извините. – Она встала. – Раз у вас столько общего, то я, пожалуй, посмотрю телевизор – сегодня отличная передача по «Культуре», а вы оставайтесь – вам ведь нужно обсудить, стоит ли гладить носки или можно растянуть их на сушке!

Она схватила сумку и бросилась к двери, оставив подруг сидеть с открытыми ртами.

– Что это с ней? – ахнула Варя.

– Что-то с ней происходит в последнее время, – мрачно сказала Лиза. – Может, у нее кризис среднего возраста?

– Он обычно в сорок, – сообщила Варя.

– Может, это ранний кризис среднего возраста. Или женский, – выдвинула гипотезу Лиза. – Она уже неделю не в се-

бе. Стоит мне заговорить о Феде – начинается скандал, а когда я позавчера отказалась идти в «Гараж», потому что мы с ним запланировали ужин в «Павильоне», она меня чуть не растерзала.

– Вы тут без меня что, без конца пререкались? – нахмурилась Варя.

Лиза вздохнула:

– Ну... В общем, да.

– Понятно, – буркнула Варя. – Может, в кино сходим?

– Давай! – оживилась Лиза.

Но тут Варе на трубку пришел звонок.

– Алло, – сухо ответила Варя, предполагая, что звонят с работы.

– Варя, привет, – трубка заговорила приятным мужским голосом. – Это Богдан. Ты меня помнишь?

– Нет, извините, – разволновавшись, ответила Варя и жестом показала Лизе, чтобы та прикурила ей сигарету. – Мы встречались на СТВ?

– Э-ээ... – расстроился голос. – Ну, мы познакомились в Таиланде...

– Богдан, конечно, я все помню! – расхохоталась Варя. – Причем в подробностях.

Лиза заинтересовалась и энергично затрясла головой, словно спрашивая: «Он?» Варя ответила кивком и погрузилась в беседу.

– Ну, здорово, – ответил Богдан. – Тогда, может, поужи-

наем?

– Отлично, у меня как раз свободный вечер, – согласилась Варя.

Лиза выпучила глаза.

– Куда за тобой заехать? – спросил он.

Едва Варя закончила разговор, Лиза набросилась на нее:

– Мы же в кино собирались!

– Лизочка, милая, любимая моя подруга, – умасливала ее Варя. – Пойми, это самый красивый и умный мужчина за всю мою жизнь! Ну, разве могла я ему отказать?

– Ну, ладно, – смилостивилась Лиза. – Но только я все равно чувствую себя обманутой... – Она задумалась. – Позвоню я Машке, наверное, она не успела еще далеко отъехать.

– Ну вот, – надулась Варя. – Группируетесь у меня за спиной.

– Ну что ты, – улыбнулась Лиза. – Я так рада, что у тебя есть мужчина, с которым тебе хорошо...

Варе показалось, что и в улыбочке, и в самом замечании проскользнуло нечто фальшивое, но ей некогда было уточнять.

– Лиз, я оставлю денег, а ты расплатись потом, ладно? – попросила она. – Ой, что это? – Из кошелька потянулась золотая цепочка. – Ах, крестик! – обрадовалась Варя. – А я-то думала, куда его дела! Снимала, перед тем как в море купаться, – пояснила она. – А то вдруг потеряется.

– Если потеряется, можно другой купить. – Лиза пожала

плечами.

Варя с ужасом посмотрела на нее:

– Ты что, не понимаешь? Меня в нем крестили, я его всю жизнь ношу, он же намоленный!

– Ты же вроде не религиозная? – Лиза подняла брови.

– Религиозная, не религиозная... – произнесла Варя, надевая пальто. – Есть вещи, в которые надо верить...

Она наскоро расцеловала подругу и побежала к Грибоедову. Почему-то Варя решила, что лучше назначить встречу здесь – она не стремилась показывать Богдана подругам, пока еще ничего не ясно. Не то чтобы она не была уверена в подругах... Просто не хотелось.

«Может, это любовь?» – очень серьезно задумалась Варя, подходя к памятнику.

* * *

– Ты что, собираешься перехватить у меня сто тысяч долларов до зарплаты? – спросил Богдан.

– Что за вопрос? – вздрогнула Варя.

– Ну... – Богдан прищурился и внимательно ее осмотрел. – Ты выглядишь так, словно сидишь на гвоздях...

Варя нервно захихикала. Она намеревалась сказать что-нибудь непринужденное и остроумное, но ничего – совершенно ничего – не приходило в голову.

– Я сейчас. – Она схватила сумку и поднялась с места. –

Что-то в глаз попало... Где здесь туалет? – Варя бросилась к официантке, которая, испугавшись резкого броска, едва не выронила поднос с коктейлями.

– Что за хренота?.. – В туалете Варя швырнула сумку на умывальник и уставилась на себя в зеркало.

Еще там, у Грибоедова, она поймала себя на подозрительном желании сбежать.

«Курортный роман! – в отчаянии размышляла она, нарежая круги вокруг памятника. – Сейчас он припрется в костюме с пузырящимися коленками, в галстук с трахающимися свинками, и мы поедем в грузинский ресторан с фальшивым киндзмараули! Зачем я во все это ввязалась?!»

Но не только возможное разочарование при виде того, как курортный красавец превращается в нелепого, незаметного в городской толпе увальня, пугало Варю. Она не могла понять причину необычайного возбуждения и беспокойства, и причина эта была не в том, что она рисковала пару часов провести в обществе глупого пижона и ловеласа. Пижона можно было затащить в кино и там посидеть в темноте, без разговоров. Было что-то еще – странное и незнакомое, вроде страха или клаустрофобии, когда все внутри сжимается, сжимается, и ты вдруг становишься маленькой, как точка, а весь мир – большим и тяжелым...

– Привет. – Он подошел сзади.

Варя так резко обернулась, что даже подпрыгнула.

На нем был стильный кожаный плащ чуть выше колен (по-

том Варя подсмотрела, что от Берберри), из ворота плаща выглядывал ярко-голубой свитер.

– Ты меня в одежде узнаешь? – спросил он, наблюдая за тем, как Варя, забыв о приличиях, разглядывает его.

– Нет... – призналась Варя.

– Раздеться? – предложил Богдан.

– Да, – согласилась Варя.

Он обнял ее за плечи и потянул за собой.

– Варь, ты что, напилась? – мягко спросил он.

– Нет, что ты, – жеманно ответила Варя и сама испугалась своего тона.

Ей хотелось провалиться сквозь землю. Она чувствовала себя идиоткой в кубе, но ничего не могла сделать – ей казалось, что ее вытолкали из-за кулис на сцену играть главную роль, а она не знает слов и вообще случайно сюда попала...

Богдан подошел к синему внедорожнику «Мицубиси», усадил Варю на сиденье, отвез в итальянский ресторан на Краснопресненской набережной, заказал что-то аппетитное... А она все никак не могла расслабиться, и ей нечего было сказать, и кусок не лез в горло...

– Что за хренота? – повторила она.

Самый красивый, элегантный, соблазнительный и обаятельный мужчина привез ее ужинать в дорогущий ресторан, а она ведет себя, как школьница, которую подозрительный армянин угощает кофе глясе и намекает, что лучший кофе – у него дома!

Ужин прошел мучительно, и, когда они с Богданом вышли на улицу, Варя вздохнула с облегчением, представляя, что скоро окажется дома, заползет в ванну и смое с себя весь этот позор.

– Я только что переехал в пентхауз, не хочешь посмотреть на город с высоты восьмидесяти метров?

– Я... – Варя хотела сказать, что устала, но почему-то не сказала, – с удовольствием.

Богдан обнял ее и поцеловал в щеку – от этого поцелуя девушку бросило в жар, но не в жар страсти, а как-то странно залихорадило, как будто от высокой температуры, когда ломит все тело и опухает гортань.

Он привез ее в Строгино, к знаменитым новым домам на набережной Москвы-реки. Они прошли через огромный холл, поднялись на самый верх, и тут Варя хоть на секунду, но забыла о дурном настроении. С террасы пентхауза перед ней расстилался город. По лиловому весеннему небу мчались синие облака, а Варя, которая стояла, облокотившись о перила, казалось, что это не облака плывут, а дом и она сама.

– Чувствуешь? – прошептал Богдан.

– А? – встрепенулась она.

– Кажется, что летишь... – тихо продолжил он. – Свобода.

Простор. Ветер. И ты.

– Да-а... – протянула Варя, которая глаз не могла отвести от реки, от бесконечного леса, на который будто накинули прозрачный шифон – распускалась молодая листва, и от от-

блесков города – сверкающих окон домов, фонарей и шоссе, мерцающего красными и желтыми огнями.

Богдан обнял ее сзади, и они постояли так некоторое время. Потом они оказались на широком диване, и он обнимал ее так же, как тогда, на острове, и его руки опять были сухие и горячие, от губ пахло карамелью, и она все восхищалась, какой же он красивый... Но на этот раз отчего-то было тяжело в груди – словно застрял ком и голова стала свинцовая...

Богдан запутался в золотой цепочке с золотым крестиком.
– Сними, – попросил он.

Варя покорно сняла, положила на тумбочку. А Богдан взял ее голову в ладони, приподнял и поцеловал – так жарко и нежно, что ком, наконец, растаял. Тяжесть отпустила, тело стало легким и послушным, она раскрылась – устремилась ему навстречу, и движения вновь стали непринужденными, страстными, и ей опять, как тогда, до судорог захотелось его, захотелось принять его тело, двигаться навстречу, любить его, обнимать, надеяться, что это навсегда, что этот мужчина станет родным и понятным...

Когда он был сверху, когда она чувствовала, что их кожа слипается и что он уже не чужой, не другой, не отдельный, а что они вместе – одно целое, что их нельзя разделить, Варя открыла глаза и едва все не испортила. Тени, огни, луна – все причудливые отблески большого города словно превратили его лицо в маску, сделали страшным, черным, острым и злым – он стал похож на демона, на призрака... Но Варя

встряхнулась, догадалась, что все дело в светотени, закрыла глаза, снова почувствовала его и свои движения, забыла о секундном ужасе, от которого все внутри заледенело...

Но все же, о чем она и сама не знала, где-то в душе осталось смутное подозрение, ощущение беспокойства, и это чувство, как она поняла уже потом, тикало в ней, как часы.

* * *

Лиза ехала на свидание с несвойственным ей волнением. Она так разволновалась, что минут пять не могла припарковать машину. А умением ловко втиснуть свой мини-«Ровер» в сантиметре от соседних машин Лиза гордилась особенно – подруги решались на парковку лишь тогда, когда до соседних авто было не меньше полутора метров, а она ни разу не поцарапала бампер! Но вот сейчас ее как будто подменили: Лиза вертелась, потела, пыхтела, а ее «малышка» никак не желала устраиваться на ночь. Наконец, кое-как пристроив «Ровер» на тротуаре, Лиза промокнула лоб влажной салфеткой, схватила сигарету, сделала несколько затяжек, разозлилась на себя, раскрошила окурочек в пепельнице, взяла сумку (красную «Биркин» от Гермес – утешительный приз после второго развода) и, задрвав нос, пошла к подъезду четырехэтажного нового дома в Гагаринском переулке. Толкнула стеклянную дверь и очутилась в холле, отделанном деревянными панелями. Посреди холла лежал ковер, стояли диваны,

горел камин, а за красивой, из настоящего дуба стойкой сидел портье. За спиной портье маячил охранник.

– Добрый вечер, я к Федору Лифанову, – надменно сообщила Лиза. – Он вас предупреждал.

По ее тону портье должен был понять, что не предупредить о ее визите Федор Лифанов не мог. Но вся глупость была в том, что Лиза очень боялась, что не предупредил Федор о поздней госте, что сейчас портье вежливо, но высокомерно предложит ей подождать на этих самых диванах, что рядом с камином, и она, сгорая от стыда, не будет знать, что делать – ползти домой или покориться и ждать.

«Я веду себя, как идиотка! – злилась Лиза. – Я же не родственница из деревни, в конце концов!»

– Я провожу вас, – сказал портье и вышел из-за стойки.

Лиза едва сдержала вздох облегчения.

Федя сказал, что освободится поздно, но закажет ужин из ресторана и даст ей ключ. «Ключ – это почти кольцо», – внезапно подумала Лиза и покраснела от собственной глупости. Она никогда – никогда! – не вела себя как «глупая баба», а тут вдруг разобрало. Просто любовник дает ей ключ от квартиры, чтобы она там его ждала – желательно уже без трусов...

Но тут опять ниоткуда возникло это нелепое кольцо – на этот раз с бриллиантом, в платиновой оправе, и Лиза даже задумалась: от Гарри Уинстона или от Тиффани? Продается у нас вообще этот Гарри Уинстон?

Лиза чуть было не выругалась вслух, но сзади кашлянул

портье, и она взяла себя в руки.

Они поднялись на четвертый этаж, вышли из лифта и оказались в просторном холле с двумя квартирами. Портье подвел ее к дверям с латунной табличкой «Лифанов», пожелал спокойной ночи и спустился не на лифте, а по лестнице.

Замок открылся бесшумно, дверные петли даже и не подумали скрипеть, и отчего-то Лиза тоже бесшумно, на цыпочках, вошла в квартиру и, воровато озираясь, прикрыла дверь. Из открытых дверей по правую и левую сторону в прихожую проникал лунный свет – в нем все казалось зловещим и мрачным. Лиза сняла туфли, чтобы не топтать каблуками, и тут же пожалела – громкое цоканье могло бы оживить эту странную, безжизненную тишину. Но обратно влезать в туфли было лень – слишком много ремешков, да и глупо, поэтому она принялась ощупывать стены в поисках выключателя.

Наконец, вспыхнули лампочки и осветили большую квадратную прихожую со старинной мебелью, бронзовой люстрой и старомодным восточным ковром.

«Прямо Агата Кристи», – подумала Лиза, разглядывая обстановку, напоминающую интерьеры в фильмах о «настоящем английском убийстве».

Сначала она пошла в комнату по правую руку – это была гостиная. Камин, кожаные диваны, все те же старомодные ковры, шкура тигра – это Лизу впечатлило, она с опаской покосилась на страшные белые клыки, старинные мрачные

картины на стенах. Одна ее особенно удивила: краски так потемнели от времени, что изображение сливалось в сплошную буро-черную массу.

Она решительно направилась в комнату, что располагалась слева от холла, – это была столовая с массивным длинным столом, с буфетом с зеленым бутылочным стеклом на створках, с горкой, натюрмортами на стенах, стульями, обитыми вишневым бархатом.

По коридору Лиза дошла до кухни, которая поразила ее только своими размерами, заглянула в ванную – она была совершенно черной, даже раковина и ванна из черного мрамора.

«Сколько же у него денег?» – подумала Лиза и перебралась на вторую половину квартиры, в которую из холла вел довольно узкий коридор. Одна дверь была заперта – в замочную скважину Лиза разглядела стол и решила, что это кабинет. Еще здесь были спальня, комната для гостей, гардеробная, небольшая душевая, а из второго холла наверх вела винтовая лестница с перилами, покрытыми сложным узором, – создавалось впечатление, что этой самой лестнице не меньше тысячи лет и что ее привезли сюда неизвестно откуда.

Лиза осторожно поднялась наверх, в мансарду, приоткрыла дверь, которая удивила ее тем, что истошно скрипнула, и заглянула в комнату. Она успела лишь краем глаза углядеть полки с книгами, как вдруг услышала сзади:

– Привет.

Лиза чуть не свалилась вниз по ступенькам – она подпрыгнула, обернулась, зашаталась, но Федор успел ее поддержать.

– Фу! – с облегчением и возмущением выдохнула Лиза. – Что ты подкрадываешься? Думал, я тут ищу фамильные ценности?

– Я не подкрадываюсь, – улыбнулся он, обнимая девушку. – Я нормально подошел, просто ты не слышала.

– Что у тебя там наверху? – поинтересовалась Лиза, когда они спустились в столовую.

В столовой был накрыт ужин для двоих: блюда закрыты серебряными крышками, букеты в хрустальных вазах, около белых тарелок с античными рисунками лежат массивные серебряные приборы...

– В моей семье всегда собирали книги, – ответил Федор, наливая вино. – Есть очень старые, они требуют бережного ухода. Приходится поддерживать постоянную температуру, и все такое...

– Ух ты! – одобрила Лиза. – А книги по черной магии есть?

– Почему ты спрашиваешь? – усмехнулся Федор. – Хочешь кого-то угробить?

– Так, значит, есть? – оживилась Лиза.

– Пойдем, я тебе покажу настоящую магию, – сказал Федя, отодвигая стул.

Заинтересованная Лиза поспешила за ним и оказалась в гостиной, перед той самой мрачной картиной, где ничего

нельзя было разглядеть.

– Что ты видишь? – спросил молодой человек.

– Ничего, – призналась Лиза.

– Сядь. – Федя усадил ее в кресло на гнутых ножках. –

Теперь смотри внимательно, но только не суетись и не поворачивайся ко мне каждую секунду, чтобы сказать, что ничего не видишь.

– О'кей. – Лиза покорно уставилась на картину, заметив про себя, что никогда не любила дурацкие картинки в журналах, на которые нужно полчаса тарашиться, чтобы в узорах разглядеть какую-нибудь чушь.

Некоторое время она бездумно пялилась в черные краски, но вдруг увидела, что черный цвет... расступается. Небо вдруг стало синим – просто оно было затянуто тучами, и вообще стояла ночь. В правом углу нарисовался особняк – мрачный, облупленный (Лиза могла поклясться, что облупленный). На балконе кто-то стоял – Лизе показалось, что девушка. А внизу, в кустах, обозначилась таинственная фигура... Лиза почувствовала запах желтой травы, высушенной солнцем, вдохнула густой предгрозовой воздух, откуда-то, то ли из подвала, то ли из кустов, пахнуло сыростью...

– Девушка на балконе ждет молодого человека, – вдруг заговорила Лиза. – Думает, что он любит ее, а на самом деле ему что-то от нее нужно, он хочет использовать девушку. Вот сейчас вместо того, чтобы выйти к ней, он присматривается, оценивает, готова ли она отдать ему все, не задавая

вопросов...

– Просто Шекспир! – расхохотался Федор.

Лиза обиделась:

– А что я должна была увидеть? Европейский саммит по урегулированию национального вопроса?

– Нет, нет, нет! – Федор подошел к ней и влюбленно уставился на картину. – Это удивительная картина. Она каждому показывает что-то особенное. Никто не знает, кто ее написал, когда и в какой стране, но с 1793 года о ней ходят легенды. Говорят, Наполеон увидел в ней свое поражение.

– Ой, да ладно! – усмехнулась Лиза.

– Ну, про Наполеона я точно не знаю. – Федя пожал плечами. – Но один военный промышленник действительно увидел на ней, каким образом из его кабинета утекают секретные сведения. Мне она досталась от его наследников.

– Слушай, ну, это прямо мистика в стиле Стивена Кинга, – скептически заметила Лиза.

– На Кинга это не похоже, – холодно ответил Федор. – Лично я, когда встретился с ней, был зачарован. Не мог оторваться.

– С кем встретился, с картиной? – уточнила Лиза.

– Ну да. – Федор кивнул. – Вещи сами находят нас, ты разве не знала?

– Не знала, – мрачно ответила Лиза, которую несколько напрягал этот странный и неприятный разговор. – Кстати, если она пророческая, то что все это значит? Ты собираешь-

ся использовать меня? Мне надо тебя опасаться?

– Пойдем ужинать. – Федя обнял ее за талию и повел в столовую.

– Ну уж нет! – уперлась Лиза. – Давай выкладывай, чего мне нагадала твоя картина?

– Слушай, я же не ясновидящий, – сказал Федя. – Попробуй сама разобраться. Будешь омаров с авокадо?

Лиза ела и омаров, и авокадо, и паюсную икру, и шампанское пила, но ловила себя на том, что за этим образцовым столом чувствовала себя, как бедная родственница из Крыжополя на свадьбе столичной родни – второй раз за вечер. Все было так... элегантно и, главное, не только внешне элегантно, но и внутренне. Федор оказался до того изысканным, что Лиза до того смутилась, что вторую бутылку вина начала пить в одиночку.

После ужина Федор отвел ее в гостиную, растопил камин и усадил на кожаный диван. Себе налил виски, Лизе – шампанского, они закурили, и Лиза подумала, что заняться сексом на тигровой шкуре было бы так пошло, что прямо заманчиво.

Она отпила глоток, оставила бокал и посмотрела на Федора, который все понял, потянулся к ней и опрокинул ее на диван. Пламя уютно и романтично отблескивало, в голове шумело вино, Федор, как обычно, оказался таким теплым и отзывчивым, что все дурацкие мысли улетучились, и Лиза уже не смотрела на себя как бы со стороны – вот сидит

изящная девушка с изысканным мужчиной на шкуре дикого зверя... Они соскользнули с дивана на шкуру, она закинула руки за голову, а он схватил ее за запястья и крепко сжал – с ним Лиза это очень полюбила. Если раньше она была уверена, что в сексе мужчинам нельзя давать волю – все делают по-своему, не подумают, не учтут, – то Федору ей очень хотелось подчиняться, хотелось, чтобы, как в книжках, он ею «овладел», хотелось быть «источником наслаждения» и чтобы «мужчина сверху». Лиза выгибала спину, стонала и задыхалась от ощущений – она покорялась, когда он делал все медленно, доходила до грани, когда он вдруг превращался в секс-машину, и думала лишь о том, что хочет вот так провести всю жизнь, чтобы вся жизнь – секс с ним, без перерыва, не есть и не пить, не спать, отдать все, только бы это не прекращалось...

Глава 4

Маша проснулась в хорошем настроении.

В последнее время такое с ней случалось редко – она все чаще и глубже чувствовала одиночество, ей казалось, что она бежит, бежит, бежит к какой-то прекрасной цели, подбегает и оказывается на краю пропасти... И можно либо назад, либо в пропасть, либо сидеть на краю и оплакивать свою глупую жизнь. Бездействие, движение – все одинаково бессмысленно.

Даже подруги, познакомившись с какими-то хлыщами, отвернулись от нее. Дружба ничего не значит, хоть и не хотелось в это верить. Любовь не бывает на всю жизнь – ее заменяют привычка, обязательства, совместное имущество... Ради чего жить? Ради чего стараться? Чтобы потом, в старости, как все, умереть и чтобы твое имя забыли, а твои близкие вспоминали о тебе, только перебирая старые фотографии?

Но сегодня Маша была на удивление жизнерадостной. Синее апрельское небо, приветливое солнышко, ароматный кофе – все это радовало и придавало сил.

Вечером их радиостанция устраивала грандиозный сабантуй в честь семилетия – у Маши были новое платье, новые туфли и даже новая сумочка, но главное, что все это ей хотелось надеть и произвести впечатление на окружающих.

Маша села на диван с чашкой кофе в руках и с большим

удовольствием оглядела квартиру. Она сама, без всякой помощи со стороны купила эти восемьдесят метров в Куркино! Пусть девочки говорят, что Куркино – край света. Зато она живет в отличном новом кондоминиуме, с огромным чистым подъездом, в котором сидит на страже суровый консьерж, и у них есть подземная стоянка, и клумбы, и лес, и река, и прудик с форелью, и все соседи чистенькие, благополучные, за собачками ходят с пакетами и веничками, и хамства никакого, и в лифте никто не пишет фломастером...

Всю жизнь Маша жила на Петровском бульваре в старинном доме. В парадном вечно пахло крысами и марихуаной, по ночам на лестнице спали бомжи, по вечерам толпились подростки, лифт никогда не работал, потому что был слишком старым, а электричество вечно гасло. Воду грели страшные колонки, которые иногда взрывались, проводка во многих квартирах была внешняя, а лампочка на их этаже никогда не горела – все грешили на семью Трофимовых, известных пьяниц, скандалистов и попрошаек. Мама умудрилась очень вовремя продать квартиру, купила землю на Новой Риге и построила милый домик – небольшой, но уютный и красивый. У нее появились отличные соседи, которые огородили участки общим забором, поставили охрану и открыли неподалеку супермаркет. С одним из соседей – пожилым вдовцом – мама начала встречаться, и Маша не переставала удивляться, с какой легкостью ее собственная мать в пятьдесят пять лет флиртует с мужчинами и верит, что жизнь толь-

ко начинается.

В свои тридцать Маша не была в этом уверена. Ей всегда хотелось заниматься чем-то полезным, значительным – например, возглавлять службу новостей информационного канала, рассказывать людям правду, беспристрастно обсуждать события, вступать в бурные теледебаты... А вместо этого она получила экономическое образование и зарабатывала деньги для радиостанции, название которой ей даже стыдно было произнести в приличном обществе. Приличным обществом Маша считала группу людей, которые читают не меньше трех книг в месяц, разбираются в театре, никогда не смотрят молодежные ужастики и время от времени покупают картины современных художников.

Но даже несмотря на то, что приличных людей было не так много, а работа не удовлетворяла высоким Машиным запросам, она гордилась собой. После того как умер отец и они вдруг стали бедными, Маша клялась, и божилась, и обещала себе ни от кого никогда не зависеть. Бедность была унижительной – им все сочувствовали, мама не желала идти работать – она вообще не могла понять, как это – работать!.. Помогали иногда родственники, а все друзья отца, коллеги-актеры вдруг куда-то пропали. Маша ходила к «Макдоналдсу» на Тверском бульваре и смотрела, как люди едят гамбургеры, и завидовала, и мечтала об огромном сочном бутерброде. А дома были манка, овсянка и сервизы Кузнецова, и картины Серова и Кончаловского... Потом мама вышла за кого-то за-

муж и стало легче, а затем развелась, и опять стало тяжело – тогда-то Маша и предпочла экономику журналистике.

Маша обвела свое царство глазами: терраса за прозрачной голубой шторой, сорок метров кухня-гостиная, просторный коридор, настоящий паркет, а не какой-нибудь ламинат, удобная и стильная мебель, шикарная аппаратура... За окном – деревья, тишина и благополучие.

Маша улыбнулась, потянулась и пошла в ванную.

* * *

Вечером она едва успела в парикмахерскую на укладку. Ворвалась в салон, разбросала вещи и всю дорогу умоляла мастера не делать ей начес. Начес он ей все-таки сделал, но вышло красиво. Маша расслабилась, надышавшись теплого и ароматного парикмахерского воздуха, вдоволь налюбовалась на новое платье из шифона и пришла к неожиданному выводу, что жизнь – отличная штука.

День рождения радиостанции справляли в загородном клубе. Пригласили группу «Виагра». Знаменитости, миллионеры и сотрудники радио стояли спина к спине – было так тесно, что Маша впала в ступор: как пробраться из одного конца зала в другой? Пока она извинялась, здоровалась, улыбалась и протискивалась бочком, в зале возникло некоторое оживление – говорили, что приехала «Виагра». Толпа взволновалась, Машу неожиданно унесло в сторону и притерло к

мужику в легком бежевом пиджаке, ярко-голубой рубашке навывпуск, бледно-кофейной вязаной жилетке и белых брюках. Он был так стильно, удобно и дорого одет, что Маша даже не сразу обратила внимание на его неземную красоту. А когда обратила, обрадовалась, что сзади ее подпирает чья-то обширная спина. О таком мужчине даже мечтать невозможно!

– Можно угостить вас коктейлем? – неожиданно спросил он.

– Можно, но, боюсь, нам придется отсюда уехать, – усмехнулась Маша. – Пока мы до них доберемся, все выпьют.

– А я совершенно не боюсь отсюда уехать, – заявил тот. – К тому же можно далеко не бегать – здесь рядом есть отличный ресторан.

– Э-ээ... – опешила Маша, которая в какую-то секунду решила, что неожиданное знакомство входит в систему розыгрышей, предусмотренных развлекательной программой.

Конечно, никакие розыгрыши никакой программой предусмотрены не были, но чтобы такой невероятный мужчина, и не успела она войти, и именно ее...

– Я с радостью, – пискнула она.

А он уже брал ее под локоток и осторожно уводил от толпы, на воздух, в ресторан...

– Никита, – представился неземной красавец, как только они выбрались из клуба.

– Маша, – от волнения Маша сделала что-то вроде реве-

ранса.

Они подошли к роскошному «Шевроле Каприз»

53-го года – красно-белому лихому красавцу с откидным верхом.

– Вот это машина! – Маша замерла и чуть не расплакалась от волнения.

Она всю жизнь мечтала прокатиться в такой машине! В автосалонах, если ты не пришел туда с золотой кредиткой в зубах, такие автомобили даже потрогать не разрешали, и Маша любовалась издали, восхищаясь людьми, которые могут и хотят ездить на этих раритетах.

Салон пах дорогой кожей, мужскими изысканными духами и сигаретами. Все это подействовало на Машу, как сильнейший наркотик: за вспышкой эйфории последовал приступ безудержной активности и почти нездорового веселья.

– Какая чудесная машина, какая замечательная веранда, какие потрясающие стаканы! – восторгалась она без перерыва.

– Вас легко удивить, – усмехнулся он.

– Ну что вы, – смутилась Маша. – Я вообще-то очень искушенная.

– Маша, а вы чем занимаетесь? – спросил он, когда они сделали заказ.

Маша обожала такие вопросы! Она была серьезной, начитанной девушкой и терпеть не могла пустой, светской болтовни. Маша симпатизировала людям, увлеченным работой,

а перед теми, кто занимается любимым делом, преклонялась. Еще Маша любила долго и вдумчиво разговаривать о политике, об искусстве, о смысле жизни, и чем больше собеседник удивлял ее своей образованностью, тем больше она возбуждалась.

– Я – финансовый директор, то есть, извините, заместитель финансового директора на радио «Эстрада», – не без неловкости ответила она. – А вы?

– У меня свое издательство. «Маверик».

Маша чуть не сползла со стула. «Маверик» постоянно на слуху – это самое крупное, агрессивное, скандальное и богатое издательство.

– Это не шутка? – переспросила она.

– У меня вполне здоровое чувство юмора. – Никита потянулся к бокалу со свежавыжатым яблочным соком. – Я не стал бы шутить так... необычно.

– О! – воскликнула Маша. – Удивительно! А я, вы знаете, так люблю читать!

Он рассмеялся:

– Не хочу вас расстраивать, но лично у меня на чтение нет времени. Я по работе слишком много читаю.

* * *

– Варя! – шипела Маша в трубку. В трубке гремело, стучало и шумело – Варя едва разбирала слова. – Варя, пред-

ставляешь, я познакомилась с владельцем издательства «Ма-верик»!

– Ты случайно не пишешь в стол любовные романы? – прокричала Варя.

В данный момент Варя ненавидела Машу. Варя собиралась на встречу с Богданом, и у нее было всего два часа на то, чтобы уложить волосы, сделать эпиляцию, выщипать брови и выгладить очень сложную юбку.

– Не в этом дело! – шептала Маша. – Варя! Он потрясающий! Если я когда-нибудь и мечтала о мужчине, то только о таком! Я не знаю, что делать!

– Спокойствие, – одернула ее подруга. – Не надо истерик. Как тебе кажется, он на тебя запал?

– Возможно.

Маша коротко поведала и про вечеринку, и про ресторан, и о том, что они говорили два с половиной часа, а потом вернулись на вечеринку, и теперь все женщины смотрят на нее с завистью...

– Ну и все! – Варя подобрела – она была счастлива, что сейчас не придется советовать, как завязать знакомство и поддержать разговор. – Он от тебя без ума!

– Да, но... – засомневалась Маша, но Варя ее перебила:

– Маш, никаких «но»! И вообще, я тебя не слышу, так что давай ты мне все завтра расскажешь?

Варя с грохотом положила трубку на базу, включила автоответчик и поклялась ни за что больше не подходить к теле-

фону, даже если ей позвонит Даррен Стар с предложением писать сценарии для его проектов. Хотя... В красках представив, как ей звонит Даррен, Варя поняла, что будущего работодателя должна знать в лицо, и побежала к компьютеру. Даррен Стар оказался крупным мужчиной итальянского типа – чем-то похож на главного героя клана Сопрано. «С ним можно работать», – решила Варя и прилегла на кровать, чтобы как следует представить, как она будет работать с продюсером «Беверли Хиллз, 90210», «Мэлпроуз плэйс» и «Секса в большом городе». Работалось замечательно: Варя купила большой дом на Голливудских холмах, старинный розовый «Кадиллак», познакомилась с Билли Зейном...

Зазвенел будильник – это значило, что до выхода из дома осталось полчаса. Варя бросилась в ванную, быстро побрила ноги бритвой, кое-как выщипала брови и накрасилась.

Богдан ждал ее у машины. Завидев Варю, пошел навстречу, обнял, поцеловал в макушку и спросил:

– Как дела?

Обычный вопрос, требующий ответа: «Хорошо, а у тебя?», но почему-то Варе, прижавшейся к его теплому и сильному плечу, захотелось ему рассказать...

О том, как нелегко писать сценарии для сериалов, которые, что ни делай, все равно получаются дурацкими, глупыми и никчемными. О том, что от нее ничего не зависит: идея достается сюжетчикам, диалогистам, продюсерам, американским партнерам – и они все, будто нарочно, делают все,

чтобы сделать фильм как можно тупее. Актрисы влюбляются в главных героев и забывают, что по сценарию их следует ненавидеть, американцам кажется, что они одни во всем мире умеют работать, продюсеры от жадности нанимают таких гримеров и костюмеров, что хоть святых выноси. И единственное, что ты получаешь после того, как сериал заканчивается, – ощущение полной бессмысленности своей работы и некоторое материальное благополучие – контракт с дьяволом.

– Но ты ведь можешь писать сценарии для кино, – посоветовал Богдан после того, как Варя, разбавляя жалобы всхлипываниями, выложила ему все свои сомнения.

– Не могу, – буркнула Варя.

– Почему?!

– Потому что я боюсь, – мрачно заявила Варя. – И я не знаю, куда его нести, сценарий этот. И вообще я не знаю, как его придумать. Я могу сочинять дурацкие сериалы, а чтобы настоящее кино...

– Ой, да ладно! – хохотнул Богдан. – Хочешь, познакомлю тебя с продюсером?

– Хочу, – согласилась Варя и оглушительно высморкалась. – Кстати, Богдан, а ты чем занимаешься?

– Строю, – ответил он.

– Что строишь?

– Дома, здания под офисы, загородные особняки... – Он пожал плечами. – Кучу всего.

– Ух ты! То есть ты богат и страшно влиятелен?

– Вроде того, – усмехнулся Богдан. – Куда поедем?

– Давай к тебе, – предложила Варя. – Я влюбилась в твою террасу.

– Значит, я тут ни при чем? – в шутку рассердился Богдан.

– Ни при чем, – подтвердила Варя.

* * *

Варя лежала в шезлонге на террасе и думала о том, что такие мгновения стоят десяти лет жизни. Вспомнив, что ей уже тридцать, Варя переосмыслила замечание насчет десяти лет и остановилась на годе. Потом года тоже стала жалко, и Варя решила, что это просто один из самых счастливых вечеров за последнее время. Богдан долго ругался по телефону, употребляя малопонятные слова и выражения, а потом уехал, сказав, что на стройке – катастрофа.

И Варя осталась одна. Минуты две она боролась с искушением залезть во все ящики и шкафы, но искушение повергло ее в нокаут, и Варя, с подозрением оглядев стены, на которых вроде бы не оказалось видеокамер, решительно пошла в спальню.

– Странно, – произнесла она вслух.

Нигде – ни в гардеробе, ни на письменном столе, ни в комоде, ни в секретере – не было ничего личного. Аккуратные, пахнущие жасмином стопки белья. Деловые бумаги. Ни

ключка, ни письма, ни фотографии.

«Может, это потому, что он недавно переехал?» – подумала она, но засомневалась. По Вариним представлениям, новосел должен жить в окружении коробок с бессмысленным, но дорогим сердцу хламом. «Может, он педант?» – испугалась она.

Педантов Варя боялась до жути: они заставят ее складывать носки парами, помнить, куда она положила ключи от квартиры, выключать свет в ванной, класть на одно и то же место пульт от телика, уносить грязные чашки на кухню, а не прятать за монитором, они обязательно найдут под кроватью коробки от «Доширака» и использованные салфетки, а в холодильнике остатки борща, который Варя варила три месяца назад... В общем, превратят ее жизнь в ад.

Но так как очень уж сильно переживать было лень, Варя стянула с дивана плед, бросила его на шезлонг, смешала коктейль и устроилась так, чтобы смотреть на реку.

Зрелище было невероятное. Варя немедленно поняла, что деньги могут быть смыслом жизни – если на эти деньги ты покупаешь себе такой вид из окна.

Вся ее жизнь вдруг показалась Варе такой скромной, почти убогой, все достижения, приобретения и цели – ничтожными, мелкими, смешными. Сейчас ее окружала роскошь – настоящая роскошь, а не то, что Варя обычно называла роскошью – платье с распродажи из «Подиума», лампу из антикварного магазина – не шедевр, просто старая лампа, ужин

в «Лалуне» – чтобы до отвала.

В этой квартире все было первоклассное: мраморная отделка, мебель из настоящего дерева, пледы из ламы, дорогое-дорогое постельное белье. Но главное, все было таким чистым, свежим, как будто новым, что от этого перехватывало дыхание.

Варя встала, прошла по террасе, которая была, наверное, чуть меньше палубы «Титаника», заглянула на кухню и открыла двустворчатый холодильник.

«Что лежит в холодильнике миллионера?» – хихикнула она про себя.

В правом отделении были соки, воды и фрукты. Слева Варя обнаружила курицу с рисом, салат из креветок, белужью икру, зеленый суп, разные сыры, невероятное количество колбас и копченого мяса, молоко и йогурты.

Варя положила себе салат из креветок, сыр без плесени, буженину, налила стакан сока и вернулась на террасу. Сытую, укутанную в плед Варю разморило, и она, кое-как перебравшись в гостиную, заснула. «Пожить бы так хоть недельку...» – подумала она, проваливаясь в темноту.

* * *

Лиза любила музеи. В прохладных залах, где стояла старинная мебель, висели полотна старых мастеров и даже воздух казался особенным, ей было удивительно спокойно.

Связь времен, уважение к традициям, вещи, которым люди словно отдали душу... Она блаженствовала.

И у Феди дома она ощущала то же самое – благоговение перед стариной, перед историей. Неловкость исчезла – осталось уважение к прекрасным вещам и к человеку, который все это бережно хранил и собирал.

Да! Она мечтала именно о таком мужчине! Не о каком-нибудь выскочке! Ей нужен был мужчина с корнями, с пониманием жизни.

Прабабушка Лизы была дворянкой. Хоть и не особенно богатой, но все-таки благородного происхождения. Прадед умер еще до революции, а прабабка предусмотрительно эмигрировала в Италию, где несколько лет жила с каким-то маркизом. Вместе они прогуляли его наследство, после чего маркиз женился на дочери газетного магната, а прабабушка познакомилась с известным русским художником-графиком и вернулась в Москву. Лизина бабушка была женой влиятельного чиновника из Госстроя, домохозяйкой и счастливой матерью, а мама Лизы, посредственная актриса, вышла замуж за режиссера и всю жизнь провела, разыгрывая домашнюю драму. У бабушки было трое братьев: один – ученый, теперь жил в Англии, второй стал главным редактором политического еженедельника, третий некогда считался одним из лучших кинооператоров «Мосфильма».

Двоюродная тетя Лизы жила в Англии, выйдя замуж за англичанина, двоюродный дядя стал банкиром, а вторая двою-

родная тетка имела собственный торговый центр.

В этой большой, дружной, успешной семье Лиза, которая так и не поняла, что ей делать – удачно выйти замуж или взяться за карьеру, – была белой вороной, ее все любили, помогали и волновались о том, как сложится ее жизнь.

Лиза очень гордилась своей семьей, своими предками и раньше часто ходила на Остоженку – смотрела на трехэтажный дом, который некогда принадлежал ее прабабушке. Потом дом снесли, выстроили что-то большое и красивое, но Лиза знала, что она – одна из немногих, кто действительно может похвастаться своей семьей. И больше всего на свете ей хотелось, чтобы семья ее уважала, чтобы ею гордились.

– А где ты раньше жил? – поинтересовалась она, запивая любопытство прохладным белым вином.

– Здесь рядом, на Пречистенке, – лениво ответил Федя. – А до того в Испании, Мексике, Калифорнии и Бейруте.

– Что ты делал в Бейруте? – переспросила Лиза.

– Жил. И работал.

– О! – Лиза выразила недоумение и восхищение. – А это трудно – все время работать в разных местах?

– Я думаю, легко, если хорошо зарабатываешь, – хмыкнул Федя. – Вообще-то во Франции, в Нормандии, у меня основная резиденция. Я ее так чувствую – мой дом. Там спокойно, красиво, неподалеку живет разная богема. Там у меня есть Милен – экономка, две горничные, садовники, охрана.

– А ты сам русский?

– Я сам... не знаю кто. – Он усмехнулся. – Сейчас и не разберешь.

– Ну да... – кивнула Лиза.

– А ты бы хотела жить со мной в Нормандии? – спросил он, откинувшись на стуле.

– Станный вопрос, – мрачно констатировала Лиза. – Мы знакомы без году неделя.

– Ну чисто теоретически, – упрямествовал Федя, – ты бы хотела жить в Нормандии, среди яблоневых садов, в большом загородном доме...

Лиза задумалась.

– Не уверена, – медленно ответила она. – Все-таки город... Знаешь, хоть здесь и суета, и пыль, и грязь, и всякая морока... Я люблю город. Я бы согласилась жить, как ты. И знать, что где-то в Нормандии есть дом. Есть... приют.

– Здорово! – пылко воскликнул Федя. – Мы с тобой похожи. Очень трудно найти человека, который бы уважал кочевую жизнь. Пойдем в гостиную.

В гостиной они устроились перед камином, разожгли огонь, и Лиза погрузилась в истому.

– Ты довольна своей жизнью? – спросил Федя, глядя на пламя.

– Не совсем.

Это был сложный вопрос. С одной стороны, у нее были порядочные сбережения. И она всегда могла выйти за кого-нибудь замуж (в том, что по городу ходят десятки мужчин, же-

лающих вступить с ней в официальные отношения, Лиза не сомневалась). В конце концов, она была известным фотографом.

Но во всем прослеживалась какая-то неустойчивость. Все браки распались – семью она так и не создала. И не была уверена, что готова создать. Ее фотографии покупали, некоторые ими восхищались, но осторожные журналы заказывали снимки только в крайнем случае. Журналы боялись рекламодателей, которым подавай гламур, а Лиза была капризной, не умела подстраиваться. При желании на те деньги, что она зарабатывала съемками, можно было бы прожить, но жить на эти деньги у Лизы не было никакого желания. Жить в одно время с Мадонной, Юлией Тимошенко и Скарлетт Йохансен и при этом быть полужографом, полусветской дамочкой, полуженой было как-то несерьезно. Лизе хотелось большего – все вокруг хотят большего. А как этого большего добиться, и вообще что такое это большее, Лиза не понимала.

Все это ей очень не хотелось никому рассказывать – она даже Варе ни разу не проговорила, и только Маша однажды вытирала ей пьяные слезы и уверяла, что все получится.

Но Феде она почему-то все рассказала. Было в нем нечто, что давало надежду на то, что он поможет. Не делом, так словом. И Лиза сначала нехотя, а потом все с большим отчаянием выкладывала все свои страхи и сомнения.

«Если он скажет, что мне пора взрослеть, я его брошу прямо сейчас», – закончив исповедоваться, подумала Лиза.

– Я не хочу тебя ни в чем убеждать, – начал он, открыв новую бутылку французского вина. – Но мы думаем, что весь мир всегда будет относиться к нам, как папа с мамой. Для родителей мы – самые лучшие, что бы мы ни сделали. Но в жизни так не бывает. То есть бывает, но это надо заслужить. Чтобы тебя признали лучшим, нужно добиваться этого. Даже если ты Херб Ритц, тебе придется соглашаться с другими. Ты можешь оставаться собой, но зачастую тебе необходимо считаться с мнением рекламодателей или редактора журнала. Коллектив.

– Но я это ненавижу! – возмутилась Лиза. – Почему тогда я, а не кто-то еще, если все равно приходится подстраиваться?

– Ты сама ответила, – улыbnулся он. – Почему не кто-то еще? Потому что выбрали тебя. Тебя хотят. Надо этим пользоваться.

– Но я не могу общаться со всеми этими девицами, которые готовы повеситься, если у них трусы не из последней коллекции! – Лиза всплеснула руками.

– Рожай детей. Будь матерью. Подстраивайся под мужа.

– Н-да... Пони бегали по кругу, – пробормотала Лиза.

– Слушай, мои знакомые купили половину торгового центра. У них будет грандиозная реклама – по всему городу, во всех журналах. Хочешь, я тебя порекомендую?

– Да что ты? – ахнула Лиза.

– Да, но только там придется выслушивать их указания, –

предупредил Федя. – Ты готова?

– Да. То есть нет. Или да. Не знаю, – растерялась Лиза.

– Слушай, попробуй, а? – предложил Федя. – Считай, что это игра.

– Шахматы? – улыбнулась Лиза.

– Бокс, – усмехнулся Федя.

Он встал с широкого кожаного дивана, подошел к ней, наклонился над креслом, оперся руками на подлокотники, и Лизу окатило горячей волной. Федор коснулся ее губ, и у нее по затылку побежали мурашки – она закрыла глаза, положила руки на его мускулистые плечи и подумала о том, что он лучший мужчина в мире. Первый раз у них был теплый, а не горячий, спокойный, а не страстный секс, и Лиза чувствовала такое доверие, такую нежность и такую глубину чувств, что ей хотелось разрыдаться от переполнявших ее эмоций, но она лишь крепче прижимала его к себе и чаще заглядывала в глаза, словно хотела найти в них ответ на свою, а может, на их общую жизнь.

Глава 5

– Он о-о-очень умный! – восторгалась Маша. – Делает вид, что все это не имеет значения, но он учился в Кембридже, английский знает, как родной, и может рассказать обо всем на свете!

– Тебе мужчина нужен или энциклопедия? – съязвила Варя.

– У меня вот где... – Маша провела рукой по горлу, – этот ваш дешевый цинизм! Почему я должна все время прибавляться к вашим ехидным шуткам и прочей бесчеловечной галиматье? Мне нравятся умные, образованные мужчины, я не люблю весь этот ваш светский треп, и я, в конце концов, познакомилась с человеком, которого искала всю жизнь!

– Маш, Маш, Маш! Прости! – примирительно сказала Варя. – Привычка. Нездоровая. Я рада за тебя. Главное, чтобы он был хорошим человеком.

– Почему он должен оказаться плохим? – все еще кипятилась Маша.

– Маш, потому что любой незнакомый человек может быть не таким, каким кажется! Ты что, ищешь во мне врага?!

– Нет, я не ищу врагов, – поостыла Маша. – Просто вы такие... легкомысленные.

– Маш, что с тобой происходит? – обиделась Варя. – Мы столько лет дружим, и единственное, что ты можешь сказать

обо мне и о Лизе, – что мы легкомысленные?

– Варя, извини, я просто устала. – Маша приложила ладони к вискам. – Я так нервничаю. Понимаешь, это идеальный мужчина – я влюбилась, я пропала...

– Ну, ну, ну... – Варя перегнулась через стол и похлопала Машу по плечу.

– Вы с Лизой другие. Вы так все легко начинаете и так просто заканчиваете... Я не могу так: «О, это не вариант, начнем все заново...» Я каждый раз до смерти боюсь, что снова ничего не получится, что я не найду того единственного... Я так хочу иметь мужа, семью, детей, а мне ведь уже тридцать, и я...

– Маш, ку-ку, тебе всего лишь тридцать, и это только в двадцать кажется, что тридцать – старость, – утешала ее Варя. – Мы-то знаем, что это не так.

– Да, знаем, но в тридцать уже думаешь о разных серьезных вещах! – сопротивлялась Маша. – И если я сейчас чего-то не сделаю, вся моя жизнь развалится. Мне так надоели эти тусовки, клубы... Я хочу тишины!

– Это говорит сотрудник радиостанции. – Варя попыталась пошутить, но Маша лишь посмотрела на нее с отчаянием. – Ладно, Маш, извини, мне еще ехать на мозговой штурм. – Варя достала из бумажника кредитную карту. – У нас там новый сериал на подходе.

– Я останусь, – вяло проговорила Маша. – Надо подумать.

Кондиционер заклинило на позиции «мороз». Двадцать человек курили сигареты одну за другой, пили кофе, скатывались на обсуждение политики, последнего фильма Балабанова. Варе казалось, что эта нервотрепка не закончится никогда. Почему они все думают, что делают что-то новое и особенное? Главная героиня, как обычно, бедная и несчастная, в конце станет богатой и счастливой, а в промежутке будет бороться с врагами, интриганами, мерзавцами и завистниками. Вот вам завязка, придумайте, дорогие мои, несколько отпетых мерзавцев, завистников и врагов, а также очень хорошего миллионера, у которого будут свои мерзавцы, завистники, враги, и она сначала его не полюбит, а потом полюбит, но им будут мешать... И так шестьдесят серий.

От сигарет в голове у Вари образовался туман. Она спрашивала себя: что здесь делает она, девушка из интеллигентной семьи, мама – адвокат, папа – политолог?

Она же понимает, что все это лажа, и все понимают, но всех это устраивает, потому что за лажу платят хорошие деньги, а ее – нет, хотя деньги, конечно, имеют значение...

Да еще этот сумасшедший кондиционер!

– Варь, что делать с бабой олигарха? – спросила руководитель проекта Инна.

– Я думаю, что баба олигарха не должна быть сукой. Пусть

будет просто глупой дурой, которую все используют, и использовать ее станет главная вражина нашей героини. Она ей наплетет, что если та что-то сделает, то олигарх будет ее страшно уважать. А потом, в самом конце, она станет хорошей и выйдет замуж за начальника охраны. – Варя выпалила первое, что взбрело в голову.

Как обычно, она решила, что сейчас все будут над ней смеяться, а руководительница проекта встанет и укажет на дверь. «Такой несусветной глупости я в жизни не слышала! – скажет руководительница. – Мы пригласили вас по ошибке. Извольте выйти вон».

Но Инна лишь закивала головой, буркнула «отлично» и записала что-то в большой красной книге.

* * *

На трясущихся ногах Лиза зашла в ресторан «Галерея». Федор топал где-то сзади. В большой сумке от «Сони Рикель» Лиза несла портфолио. «Ничего-ничего, я дорого одета, хорошо выгляжу, я работала с лучшими журналами...» – уговаривала она себя. Первый раз в жизни речь шла о больших деньгах, которые Лиза могла заработать сама. И если она их заработает, ее будущее обеспечено. Ее станут приглашать, ублажать, заваливать работой. Она станет богатой и знаменитой – и вся ее семья будет ею гордиться.

В ресторане их ждали полный холеный мужчина, средних

лет женщина с короткой стрижкой, небритый молодой человек и девушка с длинными темными волосами. Они все поздоровались, после чего заговорила женщина среднего возраста – она, как выяснилось, была старшим менеджером отдела рекламы.

– Мы планируем агрессивную стратегию выхода на рынок, основной концепцией которого является... – бодро завела женщина, и Лиза тут же отключилась.

Очнулась она лишь тогда, когда услышала пронзительный голос темноволосой девушки – менеджера по связям с общественностью. Обе они говорили одно и то же, только молодой человек – артдиректор – более-менее внятно изъяснился насчет того, что Лизе предлагается фотографировать.

«Они меня съедят, – жаловалась про себя Лиза. – Я стану кем-то другим».

– ...полторы тысячи долларов съемочный день, – договорил холеный мужчина. – Вас устраивает?

– Вполне, – стараясь не визжать от восторга, важно ответила Лиза и радостно подумала: «Ну и пусть едят! Подавят-ся!»

* * *

Варя уже минут десять сидела в туалете. Ей казалось, что здесь, в кабинке, безопасно. Не надо придумывать глупые истории, не надо злиться на щенячий энтузиазм коллег. К

тому же тут по сравнению с комнатой было тепло.

Хлопнула дверь.

– Алло! – услышала Варя. – Это ты?

– Лен, короче, слушай. У меня времени мало. Живет телка типа Ксении Собчак – вся из себя золотая молодежь, украшение общества, и все такое. Как положено, все ее ненавидят, а потом ее родители погибают в автокатастрофе, и оказывается, что у нее нет ни копейки денег. Деньги куда-то делись. Вот, ну и ей, типа, надо начинать все заново, но ее все, само собой, чмарят, на работу не берут, да еще и папаша как-то подозрительно погиб. Такая женская история а-ля «Блондинка в законе» с детективом. Лен, как тебе? Честно нравится? Ну, я не знаю... У меня сейчас работы до фига, но напишу, думаю, за год. А чего торопиться? И потом, что я с ним буду делать? В кино все свои – там им хватает амбициозных сценаристов... Я не занудствую, просто у нас все кино по родственной линии.

По голосу Варя не могла понять, кто говорит там, за дверью, но это явно была какая-то девушка из их бригады.

– Ладно, я пошла, Лен, давай. Спасибо за поддержку.

Снова хлопнула дверь, Варя выбралась из кабинки, и тут зазвонил ее телефон.

– Ты готова к встрече с прекрасным? – поинтересовался Богдан.

– Ты о себе?

– Нет! – расхохотался Богдан. – О продюсере, Сергее

Цейтлине. Мы с ним завтра обедаем, присоединяйся. Встреча тебя ни к чему не обязывает.

– Э-ээ... Ну, давай, – согласилась Варя. – Спасибо, ты такой заботливый.

– Когда-нибудь и ты мне понадобишься, – пообещал он.

* * *

Маша рассказывала Никите о своей семье. О просторной даче в Аксиньине, о теплой террасе, о плетеных креслах-качалках, о запахе пирогов, о черной глубокой реке, о плакучих ивах, о черноплодке, из которой бабушка делала настойки...

– Конечно, папа был не очень известным актером по сравнению там с Роланом Быковым или Андреем Мироновым, но его знали, его любила Галина Брежнева – как актера, а потом вдруг все это растворилось, и мне даже казалось, что мне все это приснилось, – жаловалась Маша. – Я не скучаю по тем временам, меня скорее удивляет, как странно устроена жизнь.

– Ну, и как же ты умудрилась стать экономистом? – полюбопытствовал Никита.

Они сидели в тихом загородном ресторане на берегу реки. Никита заехал за ней после работы и почти насильно увез ужинать – Маша требовала душ, другую одежду, но он заявил, что она выглядит прекрасно.

– От злости. – Маша пожала плечами. – Когда мне было четырнадцать, мама снова с кем-то развелась, и я дико злилась, что она не работает, а все ждет, когда кто-нибудь решит, что смысл его жизни – сделать ее счастливой. И мне почему-то казалось, что если я стану экономистом, то уж точно не пропаду. Вообще-то так оно и есть, но...

– Что «но»?

– Но я чувствую, что это не мое. Понимаешь, я промахнулась. Сделала страшную ошибку. Я читаю газеты, еженедельники и думаю: ну почему не я? Я бы так хотела стать во главе какого-нибудь серьезного издания, делать что-то полезное, интересное и вообще быть одной из тех, кто совершает что-то для истории, а не просто принимает участие в демографическом процессе. Понимаешь?

Никита странно на нее посмотрел, но ничего не сказал.

Официант принес горячее, Маша принялась за судак в сложном икорном соусе, но перехватила взгляд Никиты и чуть не подавилась. Его взгляд был тяжелый и злой. Маша и сама не поняла, чего испугалась, – тем более что в следующее мгновение он смотрел на нее с нежностью и вниманием. Но на долю секунды у нее пересохло в горле и хотелось бежать, громко крича: «Помогите!», размахивая руками, – подалее, очень далеко, лишь бы не испытывать жуткую, беспочвенную, одуряющую панику.

– Невкусно? – забеспокоился Никита.

– Все хорошо, – отмахнулась Маша. – Показалось, что

кость проглотила. У меня так бывает – боюсь, что кость застрянет в горле. До ужаса.

* * *

Вечером Лиза ждала Варю на веранде ресторана «Снобс» и немного злилась из-за того, что легко и привычно согласилась на встречу. Она была возбуждена и хотела подумать о том, как снимать рекламу. Нужно было пересмотреть кучу журналов, покопаться в Интернете, изучить новые тенденции, а вместо этого придется переливать из пустого в порожнее. Лиза поймала себя на том, что посиделки с подружками, на которых они болтали по пять, а то и по шесть часов, не казались уже такими заманчивыми, как раньше. «Бла-бла-бла...» – подумала Лиза о том, чем ей предстояло заниматься. Она чувствовала себя на подъеме, ей хотелось что-то делать, быть активной, занятой, преуспевающей и жаловаться, что ни на что не хватает времени – работа, работа, еще раз работа.

– Фу, привет, бежала от Рождественского бульвара, такая пробка! – ворвалась на веранду Варя, размахивая сумкой. – Воды! – крикнула она официантке. – Как дела?

– Хорошо дела, – сохраняя спокойствие, ответила Лиза. – Буду снимать рекламу для Кирсанова.

– Для этих вот брендов класса люкс? – ахнула Варя.
Лиза важно кивнула.

– Да ты что?! – еще больше удивилась подруга.

– Да, меня Федя познакомил, и они мне заказали всю рекламную кампанию.

– Ни фиги себе! – Варя всплеснула руками. – Круто как... Лиз, я за тебя очень рада. Но ты же не хотела рекламой заниматься. Ты хотела, как Клавихо, стать фотохудожницей, и чтобы все тебя уважали за твою неповторимую индивидуальность.

Лиза рассердилась, но сдержалась.

– Знаешь, мне предложили такие деньги, что отказаться – все равно что расписаться в собственной безнадежности, – непринужденно ответила она.

– А-а... – то ли согласилась, то ли смирилась Варя.

Обе почувствовали напряжение. Что-то пошло не так. Варя ожидала, что Лиза начнет метаться, ныть, паниковать, стелать на то, что рекламщики ее поимеют, жаловаться, что художник вынужден творить с гантелями в руках, что мир несправедлив...

Но Лиза ничего такого не сказала. Она была такой твердой, решительной и самоуверенной, что Варя не знала, с какого бока к ней подступить.

– Ты с Машей не общалась? – поинтересовалась она.

– Нет. – Лиза покачала головой. – Я ей не звонила, и она мне. По-моему, Маша должна сделать первый шаг – все-таки это она мне нахамила.

– Просто международная дипломатия, – усмехнулась Ва-

ря. – Лиза, если ты забыла: это наша подруга Маша, она всегда такая. Мы ей всегда сами звоним, когда она дурит, ведь Маше потом долго бывает стыдно, и она не в состоянии сделать первый шаг.

– Значит, ей пора меняться, если хочет общаться с людьми, – отрезала Лиза. – Мне надоело играть в эти игры.

– Вот как. – Варя внимательно посмотрела на приятельницу.

– Да, Варь, люди меняются, – завелась Лиза. – Время от времени чувствуешь, что ты из чего-то выросла. В детстве – из штанов, а когда взрослеешь – из рамок, из отношений, из предубеждений.

– То есть. Маша стала для тебя мала? – все так же спокойно поинтересовалась Варя.

– Варя, ну не о том, не о том ты говоришь! – вспыхнула Лиза. – Машка хорошая, ты же знаешь – я ее люблю, как сестру, у меня вообще ближе вас никого нет, но...

– Но ты говоришь о ней снисходительно, – строго заметила Варя. – А так нельзя.

– Хорошо, больше не буду, – покорилась Лиза, но затаила раздражение на всех, у кого в глазу бревно.

Она еще не знала, что за бревно в глазу у Вари, но была уверена, что оно есть. Лиза немного предвосхитила события, но в конечном счете оказалась права.

– У тебя бассейн? – Маша смотрела на него так, словно Никита признался, что держит в саду уссурийского тигра.

Бассейн всегда был ее мечтой. Не надувной и не крошечный, как в бане, а настоящий бассейн, чтобы в нем можно было плавать и зимой, и летом.

– И воду можно подогреть?

– Можно, – усмехнулся Никита. – Хочешь посмотреть?

Маша понимала, что к мужчине, насчет которого строишь большие планы, ехать на первом же свидании домой «смотреть бассейн» – не самое разумное дело. Но...

«Вдруг он подлец, и я его больше никогда не увижу? – подумала она. – И так и не выясню, каково это – бассейн в саду?»

– Очень хочу посмотреть. – Маша затрясла головой.

– Тем более здесь недалеко, – добавил Никита, отдавая кредитку официанту.

Спустя минут двадцать они свернули на дорогу, с обеих сторон которой тянулись заборы. Некоторое время петляли по улицам, пока не добрались до кованой ограды, за которой виднелись сосны, ели, дубы, березы и дом. Ворота открылись, они проехали по аллее и остановились у входа в дом. Эта внушительная постройка из серого камня казалась пародией на английские замки, но, присмотревшись, Маша

поняла, что дом действительно старый и строили его явно не в прошлом веке.

– Уникальный дом, – сообщил Никита. – Ему двести лет. Уцелел чудом. Вообще-то от него мало что осталось, но я его восстановил. Знаешь, потратил такое количество денег, что самому неловко вспоминать, сколько все это стоило.

– А зачем тебе это надо?

– Ну... – Он задумался. – Я люблю жить там, где уже кто-то жил.

Маша вздохнула. Она так рьяно уверяла друзей, что новый хороший дом в пригороде лучше старого отсыревшего дома в центре, что почти сама в это поверила. Но от воспоминаний об их с мамочкой квартире на Петровском бульваре щемило сердце. Стены там, казалось, дышали историей, и даже по совершенно новому асфальту каблуки цокали как-то особенно, а машины неслись со звуком, напоминающим стук пролетки. Гуляя по Сретенке, Маша кожей чувствовала, что здесь когда-то на санях мчался пьяненький Есенин, на Чистых Прудах ей виделся спешащий Маяковский, а на Тверской, у памятника Пушкину, она представляла себе встречу с друзьями-поэтами интеллигентного Валентина Катаева...

В Куркине Маша чувствовала себя переселенцем из Старого Света, захватчиком, человеком, рвущимся в будущее – потому что ему стыдно вспомнить прошлое.

Она с нежностью взглянула на Никиту и вдруг представила себе, как идет с ним к алтарю Елоховской церкви – в

платье от Валентино, расшитом жемчугом, и в роскошной кружевной фате. Внезапно охрипнув от разгулявшегося воображения, Маша закашлялась и спросила севшим голосом:

– А бассейн где?

– Там. – Никита кивнул головой и повел ее в дом. Они насквозь прошли холл и очутились на террасе, за которой вытянулся бассейн.

Маша подошла ближе и заглянула в голубую прозрачную воду. Дно бассейна украшала мозаика с рыбками, стенки были отделаны золотистой плиткой, а по бортам стояли деревянные шезлонги и елки в кадках.

– Потрясающе... – прошептала Маша. – Такой вкус! Такое изящество!

– Да-да, – усмехнулся Никита. – Мой дизайнер предупредил, что все это будет производить неизгладимое впечатление на девушек.

– Э-э... – смутилась Маша. – Наверное, это был очень хороший дизайнер. Кхе-кхе...

– Пойдем в дом. – Он взял ее под локоть.

Они прошли в большую гостиную с диванами, тяжелыми креслами, с маленькими стеклянными и большими деревянными столами, на которых стояли массивные серебряные пепельницы, стопками лежали журналы и газеты. «Мужская обстановка», – подумала Маша.

– Ну вот, а теперь коронный трюк моего дизайнера, та-да-дам! – протрубил Никита и подвел Машу к красивому ка-

мину. Возле камина, в котором потрескивали дрова, стоял огромный угловой диван, а на полу красовалась шкура зебры.

– Да-а... – удивилась Маша. – На этом месте девушки, наверное, падают замертво...

– Только самые впечатлительные, – усмехнулся Никита. – Ты не хочешь выпить?

– Клубничную «маргариту», – сообщила Маша в надежде, что как следует клубничную «маргариту» приготовить не смогут и ее хоть что-нибудь здесь разочарует.

Но Никита покричал, явилась пожилая женщина в черном платье с брошью, и спустя десять минут Маша блаженствовала на диване со стаканом восхитительной, в меру приторной клубничной «маргариты», с тарелкой сырного ассорти, вазой с фруктами и самым привлекательным мужчиной во Вселенной.

Глава 6

Варя вернулась домой, швырнула на диван сумку и в миллион первый раз пообещала себе поменять в коридоре плитку, на которую один из ее бывших швырнул в порыве страсти масляный обогреватель. Обогреватель Варя тоже не меняла: она считала его жертвой, инвалидом и не находила мужества выкинуть из жизни. Несмотря на то что зимой в квартире было холодно, в окна дуло, а инвалид грел еле-еле, Варя его жалела и временами, когда становилось особенно грустно и одиноко, накрывала пледом.

В доме у Вари было много чего, что удивляло ее знакомых: обогреватель-инвалид; потолок в ванной – Варя никак не могла его покрасить, потому что ей, несмотря на здравый смысл, нравились разводы и пятна, оставшиеся после того, как у соседей сверху протекла стиральная машина; деревянные оконные рамы, которые ей несколько раз обтачивали, выпрямляли, но так и не довели до ума – зимой из щелей залетали снежинки. Варя втайне от знакомых ненавидела стеклопакеты: ей казалось, что они разрушают романтику жилища. Но еще более яростно она ненавидела застекленные лоджии: она даже говорила, что уедет из страны только потому, что не может жить там, где люди добровольно лишают себя света и воздуха, а ко всему прочему выставляют на балкон всякий хлам.

...Сумка, как обычно, приземлилась мимо дивана. Диван стоял там, где раньше была кухня (пока Варя не сломала перегородки), то есть далеко, но на туалетном столике в прихожей были навалены счета, косметика, духи, фен, щипцы для завивки и распрямления волос, прокладки – все то, что Варя постепенно перетащила из ванной, чтобы каждое утро ругаться и обещать себе разгрести прихожую.

Скинув обувь и одежду, она уселась на пол, оперлась о кровать и задумалась о странном тягостном ощущении, которое осталось после встречи с Лизой. Лиза вела себя так, как обычно выделываются девочки из представительств домов моды: пытаются сделать вид, что они стоят дороже, чем есть на самом деле. Варя вспомнила «представительниц» одной компании, торгующей одеждой прет-а-порте, которая устроила презентацию в честь весенней коллекции «Дизель». С виду не отличишь от дамочек из высшего общества (представительницам одежда достается с бешеной скидкой), из-за чего им кажется, что они достигли высшей степени интеллектуального и духовного совершенства. Обувь, аксессуары, прически – все самое модное, но взгляд такой, словно она тебя подкараулит в темном переулке и запросто грохнет по голове кирпичом – только ради того, чтобы отнять кошелек от Жан-Поля Готье.

Варя, а также Маша и некогда Лиза не выносили этих выскочек: посмотри-какая-крутая-у-меня-задница, но сейчас Лиза... Неужели это та самая Лиза, с которой они как-то раз

восемь часов кряду составляли список самых сексуальных мужчин планеты?

– Робби Уильямс! – подпрыгивала Лиза. – Неделя секса и страсти на Гавайях, но ничего серьезного.

– А вот с Джорджем Клуни у меня был бы мощный роман на полгода или на год, а потом бы я изменила ему с Робертом Родригесом, с которым мы бы жили несколько лет где-нибудь между Марокко и Лос-Анджелесом! – восклицала Варя.

Неужели эта та самая Лиза, с которой они как-то раз прогуляли все деньги и поехали на такси к Маше, чтобы она оплатила дорогу и уложила их спать, а Маши не оказалось дома, и Варя полчаса искала ее по телефону, а Лиза страстно уговаривала таксиста не волноваться, а таксист готов был сам им заплатить, лишь бы избавиться от двух сумасшедших девиц?

Лиза, которая уверяла, что друзья – это такие люди, чьи недостатки ты принимаешь как неотъемлемую часть достоинств? И эта самая Лиза собирается выкинуть Машу, как старые джинсы, только потому, что неожиданно – за считанные дни – «выросла» над собой?

«Странно, странно все это...» – подумала Варя. Что именно было странно, она так и не поняла, но внутри разрасталась тревога. Как будто она летела на самолете, который угодил в качку – сначала ты почти не обращаешь внимания, потом начинаешь присматриваться к пассажирам – есть ли страх на лицах, вызываешь стюардессу – якобы заказываешь воду, но

на самом деле заглядываешь ей в глаза, словно в них можно прочитать ответ на вопрос: «Мы умрем?» А потом сидишь, вцепившись в подлокотники, и повторяешь про себя: «Господи, прошу тебя, чтобы все это закончилось! Господи, ну, пожалуйста, я не могу больше! Только чтобы хорошо закончилось не в том смысле, чтобы закончилось вместе с жизнью...» Чтобы успокоиться, Варя привычно потянулась к телефону, поразмышляла секунду и набрала номер Маши.

– Не отвлекаю? – поинтересовалась она.

– Слушай! – закричала Маша. – Я только что приехала от Никиты!

Маша сделала паузу, ожидая вопросов.

– Было что? – оживилась Варя.

– Не совсем, – хихикнула Маша. – Мы целовались в бассейне...

– У него бассейн? – ахнула Варя.

– И какой! – Маша торжествовала. – Представляешь, у него старинная усадьба...

Пока Маша захлеб описывала особняк Никиты, его слуг, вид из окна, библиотеку, клубничную «маргариту» и ночные купания на грани секса, Варя выслушивала подругу со смутным чувством беспокойства.

– Алло! Ты жива? – рывкнула трубка.

– Да-да! – очнулась Варя. – Просто я, знаешь, о чем подумала... – Она немного помолчала. – Странно все это.

– Что «это»? – обиделась Маша.

– Ну... Понимаешь, вот мы жили-жили, такие, в общем, простые девушки по типу Бриджет Джонс, и вдруг откуда-то магнаты, миллионеры, строители...

– И что? – сурово поинтересовалась Маша.

– Понимаешь... – Варя медленно подбирала слова, так как сама толком не знала, что имеет в виду. – Если бы на твоём месте была Ксения Собчак или там Алсу, я бы не удивилась. Это Глюкозе поклонник может подарить мини-«Ровер», а мне – в лучшем случае абонемент в библиотеку. Я рассчитывала познакомиться с талантливым молодым режиссером или там оператором, а Богдан такой красивый, богатый и милый, что я вообще не понимаю, какое моральное право я имею находиться с ним рядом...

– Варя! – воскликнула Маша. – Даже не пытайся заразить меня своей мнительностью! Я познакомилась с мужчиной моей мечты, так что пусть он разобьет мне сердце и променяет потом на какую-нибудь наследницу алмазных приисков, я все равно буду с ним, пока он меня не выгонит. Дай насладиться моментом!

– Но ты, конечно, не веришь, что он тебя выгонит? – не без ехидства спросила Варя.

– Мы с ним только что познакомились! – отрезала Маша. – На этой стадии я не собираюсь готовиться к тому, что Никита меня бросит. И я, между прочим, не сплю с мужчиной, пока не пойму, что нас связывает.

– А я, значит, сплю, и поэтому у меня ничего не выхо-

дит? – рассердилась Варя.

– У меня тоже не очень-то пока выходило, но я в отличие от тебя не намерена упустить свое счастье! – разозлилась в ответ Маша. – Если тебе охота рефлексировать, ныть и прогнозировать, как, когда и почему твой Богдан даст тебе отворот поворот, – это, пожалуйста, к Лизе.

– То есть мы с Лизой такие зануды, что ты даже обсуждать это не хочешь? – Варя почти кричала.

– Знаешь, Варя, – холодно заметила Маша, – я не хочу говорить, пока ты так враждебно настроена. Давай остынем и созвонимся позже.

– Давай! – заорала Варя. – Только я не понимаю, откуда в тебе взялась эта ханжеская уверенность, что ты лучше других!

– Все, пока. – Маша отсоединилась.

Варя в бешенстве швырнула трубку на ковер, от души обматерила подругу, но, немного успокоившись, подумала: «Черт! Что же это такое было?»

* * *

– Я посмотрела портфолио, – строго произнесла менеджер по связям с общественностью, которую, как выяснилось, звали Леной.

В девять утра Лиза глушила кофе в модном кафе на бульваре вместе с арт-директором Петей и той самой темноволо-

сой девицей, в которой Лиза мгновенно почувствовала врага. Девушка выглядела так, словно вставать в шесть утра – это нормально. Лиза же едва продрала глаза, кое-как натянула одежду, накрасила губы не тем цветом и сейчас умирала над второй чашкой капучино.

«Зачем назначать встречу в восемь тридцать? – страдала она. – Это что, нарочно? Им кто-то рассказал, что я не умею рано вставать, и они сейчас будут ломать мою волю, пользуясь беспомощным состоянием?»

– Все это, конечно, очень ярко и интересно, – сухо похвалила Лена. – Но нам бы хотелось, чтобы вы отошли от привычного стиля. Наши покупательницы не стремятся к экстремальному образу, мы ориентируемся на обеспеченных домохозяек, на тех, кто скорее хочет быть, как Селин Дион, чем как Гвен Стефани. Вот посмотрите.

Она протянула Лизе полароидные снимки.

– Здесь модели в той одежде, которую мы будем снимать, – пояснила она. – Чтобы у вас было некоторое представление. Классический макияж, классический стиль.

Лиза задумчиво разглядывала фотографии.

– Может... – неуверенно спросила Лиза, – пригласить более яркие модели?

– Если вы имеете в виду типаж, который вы обычно используете, – Лена открыла портфолио и ткнула пальцем в стриптизершу с пятым размером груди, – то это исключается. Подобный имидж у наших клиенток ассоциируется с ба-

ней, пьянкой и супружеской изменой.

– А я думала, что такой имидж ассоциируется с сексом! – отрезала злая и невыспавшаяся Лиза. – Что, у обеспеченных домохозяек не бывает секса? Или они испытывают оргазм только в бутике «Маррас»?

– Я тебя понимаю, – встрял артдиректор. – И мне вообще очень нравится, что ты делаешь, но просто это децл не в тему. У нас есть как бы уклон в семейный шоппинг, чтобы они там и для себя отоваривались, и ребенку подгузники от «Версаче», и мужу галстук, а такие сиськи в семейный шоппинг, типа, не вписываются. Законы жанра.

– О'кей, – вяло согласилась Лиза.

– У нас на презентации будут Алена Свиридова, Валерия, Тина Канделаки, Наталья Водянова, – сообщила Лена. – И наши модели. А теперь представь, если среди них появятся вот эти твои девицы.

– Ну да... – грустно кивнула Лиза.

Ей так весело было работать со стриптизершами: это такой кураж, такой драйв делать смелые, на грани с порнографией снимки, щекотать общественный вкус...

«А потом мне закажут рекламу „Гермес“, а потом какого-нибудь СПА-курорта, а потом я начну делать фотографии для предвыборной кампании депутата Надувайло... – размышляла Лиза. – И все. Куча денег, ноль эмоций».

Мысль о куче денег на время возбудила, но растворилась в перспективе скучной, однообразной работы. Зазвенел те-

лефон.

– Алло... – буркнула Лиза.

– Как у тебя дела? – весело спросил Федор.

– Не знаю, – сдержанно ответила Лиза.

– Значит, так, – бодро начал Федя. – Ты там не капризничай и сопли не пускай. Но, конечно, если хочешь превратиться в одного из непризнанных гениев, откажись от работы прямо сейчас.

– Извините. – Лиза встала из-за стола и убежала в туалет. – Федя, они хотят, чтобы я делала все по-другому! Они меня разрушают!

– Лиз, прости, но ты просто привыкла потакать своим слабостям, – резко отчитал ее Федор. – У тебя пока есть шанс, но при желании можешь смело его просрать.

– Федь, а вот мне интересно, ты чего так обо мне заботишься? – насторожилась Лиза.

– Не поверишь, – хмыкнул он.

– Ну уж я постараюсь! Тем более, я наивная и доверчивая.

– Ты мне нравишься, – сказал Федор и отключился.

И тут Лиза представила, как в порыве мнительности собственными руками разрушает счастье в личной жизни, успехи в карьере и оказывается у разбитого корыта, полного всех ее дурацких комплексов, предрассудков и детских капризов.

Лиза решительно вернулась к столу, допила кофе, потребовала свежесжатый морковный сок и сообщила Пете с Леной, что готова к работе и не имеет никаких возражений.

Перед входом в чайную, что в саду «Эрмитаж», Варя запаниковала.

– Богдан, может, я тебя в машине подожду? – робко спросила она.

Тот расхохотался:

– Что, труса празднуешь?

– А что я ему скажу? – воскликнула Варя, которой хотелось залезть в кусты и разреветься.

– Ничего не надо говорить. – Богдан обнял ее и поцеловал в макушку. – Вы познакомитесь, а там посмотрим.

– Куда посмотрим? – застонала Варя, которую Богдан подталкивал ко входу в кафе.

– Вперед, в будущее – смело и уверенно, – заявил он, волоча ее за собой.

Варя еще не оставила мысль о том, что можно просто удрать, но с низкого дивана им навстречу уже поднимался полный высокий мужчина с проседью в волосах.

Богдан начал с ним обниматься, хлопать по спине, целоваться по-русски, троекратно, а Варя с интересом разглядывала кинопродюсера.

Некоторое время они заказывали чай, еду, Богдан интересовался жизнью незнакомых ей людей, потом Сергей, кинопродюсер, рассказывал о Михалкове, Литвиновой, Мироно-

вой, Тарантино – запросто, по-семейному, как будто каждый в стране знает, что у Михалкова на Николиной горе опять растащили кирпич, предназначенный для беседки, а у Тарантино дачу смыло волной.

Варя держалась изо всех сил, пока Сергей не спросил:

– А что там Богдан говорил насчет идеи?

– Какой идеи? – хрипло спросила Варя и тут же бросилась пить горячий чай.

– Идеи для сценария, – уточнил продюсер.

Конечно, Варя могла сказать, что идея пока еще только в зародыше и что лучше она ее как следует обмозгует, распишет на бумаге, но ей так хотелось произвести на продюсера впечатление, так хотелось, чтобы он при ней, а не где-нибудь у компьютера, читая электронную почту, посмотрел на нее с уважением, с интересом... Она судорожно рылась в памяти, стараясь извлечь хоть что-нибудь, напоминающее гениальную идею... И вдруг она вспомнила чужой разговор в туалете. «А что, если?..» – подумала Варя. С одной стороны, это была чужая задумка, но, во-первых, хорошая мысль приходит не только в одну голову – вспомнить хоть электрическую лампочку, а во-вторых, никогда эта... ну, та, которая... все равно ничего не напишет. Знает Варя этих ремесленников – только говорят. Тем более она в последнее время размышляла над чем-то в этом роде.

Окончательно запутавшись, Варя уставилась на Богдана, но он ответил ей таким спокойным, доброжелательным и об-

надеживающим взглядом, что она приободрилась и неожиданно заявила:

– Ну, есть идея триллера. Живет девушка типа Ксении Собчак – золотая молодежь, украшение общества, и все такое. Как положено, все ее ненавидят, а потом ее родители погибают в автокатастрофе, и оказывается, что у нее нет ни копейки денег. Деньги куда-то делись. Ну, и ей надо начинать все заново, но ее все, само собой, чмарят, на работу не берут, да еще и папаша как-то подозрительно погиб. Такая женская история а-ля «Блондинка в законе» с детективом.

Продюсер прикусил нижнюю губу, закатил глаза, подумал...

– Мне нравится. Можно сделать полный метр, можно сериал – но это в худшем случае. Можешь написать синопсис?

– Могу, – неуверенно подтвердила Варя. – Вам правда нравится?

– Если бы мне не понравилась, я бы из вежливости и от хорошего отношения к Богдану сказал бы, что идея интересная, но сырая. Так как я этого не сказал, значит, мне правда нравится. Будем работать. Деньги – не проблема. Ты, главное, напиши побыстрее.

Варя дико посмотрела на Богдана, выползла из-за низкого столика, пошла в туалет, а там стала прыгать, махать руками и тихо повизгивать от счастья.

О том, что она некоторым образом украла идею, Варя задумалась ровно на секунду, ей на миг стало стыдно, но де-

вушка быстро убедила себя в том, что идея плавала на поверхности – кто не успел, тот опоздал. Она-то прекрасно знала, как затягивает ремесло: все ее коллеги мечтали написать сценарий «для большого кино», но ни один не дошел даже до титульного листа.

Точно так же все журналисты мечтают написать книгу, но пишут единицы. Многие годами марают бумагу – выбрасывают, вычеркивают, откладывают, делятся творческими планами, но мечты так и остаются мечтами.

– Богдан, почему ты такой хороший? – спросила Варя, когда они три часа спустя ехали домой.

В чайной они с продюсером обсуждали детали, продумывали героев и спорили насчет того, кому играть главную героиню.

Варя была в диком восторге: наконец что-то настоящее, увлекательное!

– Почему ты все это для меня делаешь? – настаивала Варя.

– Мне хорошо с тобой, – сказал Богдан и положил руку Варе на коленку. От руки стало очень тепло.

Варе хотелось задать миллион вопросов, выразить множество сомнений, но от этого тепла ее вдруг разморило и стало так уютно и сонно, что она откинула кресло и задремала, размышляя о том, что раз уж есть в жизни черные полосы, то и белые тоже есть и нечего бояться перемен к лучшему.

Глава 7

– Маша, это Лиза тебя беспокоит, – сдержанно представилась Лиза.

– Я догадалась, – усмехнулась Маша. – Определился твой номер телефона.

– Я бы хотела забрать белое платье от Валентино, не возражаешь, если я к тебе заеду?

– Я буду дома в течение двух часов.

– Отлично.

Через сорок минут Лиза ругалась с консьержем, который отказывался ее узнавать, а у Маши был занят телефон, и Лиза ходила кругами по просторному холлу, злая на весь мир, а особенно на Машу, которая, как думала Лиза, все это нарочно подстроила.

– Проходите, – разрешил, наконец, портье и даже выбрался из-за стола, чтобы вызвать ей лифт.

Лиза отблагодарила его уничтожающим взглядом, вошла в кабину и стала спиной к консьержу, якобы рассматривая себя в зеркале.

– Проходи, – пригласила Маша, которая была при полном макияже и в вечерних туфлях.

– Куда-то собираешься? – поинтересовалась Лиза.

– Да, мы с Никитой идем на Хворостовского, – гордо сообщила Маша.

– О! – лаконичноотреагировала Лиза. – Слушай, я у тебя переоденусь? А то времени нет. Сегодня показ Валентино в «Метрополе», ну, я решила в «Валентино» и одеться.

– Ты с Федором идешь? – не удержалась от любопытства Маша.

– Федор в Сибири. Завтра приедет. Меня Кирсанов пригласил. Не он сам, а его команда, – похвасталась Лиза.

Так как в этом бахвальстве Маша не заметила ничего особенного – Лизе всегда нравилось быть в центре светской жизни, – то смилостивилась и спросила:

– Ты с Варей общаешься?

– В общем, да, – кивнула Лиза.

– Она мне тут звонила и гнала насчет того, что недостойна Богдана, а я недостаточно хороша для Никиты... В некотором смысле бред насчет того, что все слишком хорошо.

– Знаешь, что меня действительно удивляет? – спросила Лиза, подкрашивая губы.

– Что?

– То, что мы познакомились почти одновременно. Сначала я с Федором, потом Варя с Богданом, а теперь и ты с Никитой... Какое-то фантастическое совпадение.

– Да ничего странного! – отмахнулась Маша. – Просто время пришло.

– Да! – обрадовалась Лиза. – Пришло время знакомиться с миллионерами. У каждой девушки наступает такой период! Так сказать, естественный этап развития.

Маша нахмурилась, а Лиза в темпе собрала одежду, попрощалась и убежала.

* * *

– Можно с вами поговорить?

Лиза сверху вниз смотрела на девушку в джинсах, длинной голубой футболке и бусах из фальшивого жемчуга до пупка. В руках девушка держала фотоаппарат, на плече висел кофр.

– Можно, конечно, а что случилось? – удивилась Лиза.

– Мы не могли бы выйти, кричать не хочется! – прокричала девушка.

Музыка действительно лупила по ушам, так что Лиза без возражений пошла за незнакомкой. Показ Валентино только что закончился под аплодисменты московского бомонда. Лиза первый раз в жизни сидела в первом ряду – рядом с Кирсановым и его женой, ее снимали телеоператоры, а фотографы из «Харперз Базара» и «Вога» щелкнули для светской хроники.

Девушка вышла на улицу и отошла подальше от входа, где на свежем воздухе толпились гости с коктейлями.

– Меня зовут Катя Подольская, я фотограф, – представилась она. – Может, глупо говорить вам все это, но я долго думала и решила сказать.

– Та-ак... – Лиза полезла в сумку за сигаретами.

– Этот заказ для Кирсанова – мой заказ, – выдала Катя.

– Очень интересно, – прищурилась Лиза.

– Вы можете думать обо мне все что угодно, – продолжила девушка. – Но мне хотелось, чтобы вы знали – это нечестно. Я пять лет работаю в фотографии и такой заказ ждала все эти пять лет. Для меня это не только деньги, это возможность выйти на другой уровень. Я два месяца обхаживала Кирсанова, два месяца не спала по ночам, а потом за вас попросили, и все мои планы разрушились. Я хотела сказать вам, что вы не лучше меня, просто за вас попросили.

Лиза видела, что девушка сильно волнуется, что она не хочет ее оскорбить, что она, собственно, просит о помощи, и Лиза чуть было не решила отказаться от съемок, но тут она представила, что скажет Федору, и ей стало стыдно за слабость и глупость.

– Понимаете, Катя, – едва она начала говорить, как заметила, что далеко не глупая Катя все поняла, – может, я и не лучше вас, а может, и лучше. И возможно, это не ваш шанс, а мой. А то, что у меня есть знакомые, которые помогают мне в жизни, – да, это преимущество, и я не собираюсь от этого отказываться. Ясно?

– Ясно, – прошептала Катя.

Лизе показалась, что девушка готова заплакать, но решила, что так уж устроена жизнь – иногда тебе фартит, а в другое время нет денег на сигареты. Поэтому Лиза развернулась и ушла, и ей то ли слышалось, то ли Катя действительно

бросила вслед: «Ведьма!»

«Неудачница!» – подумала Лиза, но настроение отчего-то испортилось, и она поспешила уехать.

* * *

На концерте Хворостовского Маша заскучала. Баритон был в ударе, исполнял проникновенно, а у Маши никак не получалось сделать воодушевленное лицо, как у соседки справа, или хотя бы пустить слезу, как соседка слева.

В конце Маша хлопала, как одержимая, от радости, что Хворостовский не стал петь на бис, а Никита с любопытством косился на нее.

– Тебе понравилось?

– Ну... – замялась Маша. – Хороший концерт, но какой-то длинный.

– Да, лучше бы мы пошли в джаз-клуб, – согласился Никита. – С непривычки классика тяжело идет.

– А что же ты тогда меня на этот концерт пригласил?

– Ну... Ты так восхищалась настоящим искусством, глубиной и выразительностью, что мне захотелось доставить тебе удовольствие, – не без смущения признался Никита.

– В следующий раз все мои восторги дели на два, – пошутила Маша и осеклась: а вдруг следующего раза не будет?

– Тогда заранее приглашаю тебя на Земфиру, – улыбнулся он. – Все же как-то поживее. А сейчас, может, поедем ко

мне?

– Никита, – Маша опустила глаза и взяла его за руку. – Я хотела сказать, что у меня есть принципы, которые не позволяют мне ложиться в кровать сразу после знакомства.

Произнеся эту фразу, тщательно отрепетированную дома, Маша почувствовала себя до того нелепо, что чуть было не брякнула: «Ой, я пошутила, поехали к тебе, устроим оргию!» Но ведь не зря же она металась вчера целую ночь без сна и покоя? Первый раз за последние семь лет Маша чувствовала, что не может быть циничной и развязной.

Она долго и мучительно привыкала к тому, что современный мужчина отказывается брать на себя всю инициативу и ответственность, ждала, что за ней будут ухаживать, ее станут соблазнять и искушать, но этого не происходило и она сдалась, стала, как все – предприимчивой и напористой. Конечно, встречались, как она про себя говорила, «джентльмены», но они попадались так редко, что молодая, здоровая и сексуальная Маша серьезно подумывала о вибраторе.

– Я понимаю, – мягко ответил Никита. – Пока ты не будешь готова, я ни на чем не настаиваю. Просто я думал, что тебе у меня понравилось, и хотел пригласить в гости.

– Спасибо, – тихо ответила Маша.

– Но ты очень соблазнительная. – Он провел рукой по ее волосам. – Меня влечет к тебе, но я вполне могу подождать.

– Ты такой добрый. – Маша крепче сжала его руку. – Мне сегодня подруга говорила: так не бывает, это как мечта, ко-

торая никогда не сбудется. Я еще на нее обиделась, а теперь мне тоже кажется, что все слишком хорошо.

– У каждого человека иногда должно быть все слишком хорошо. Главное, не надо этого бояться.

Он поцеловал ее в щеку, потом его руки легли ей на талию, а она обнимала его, и Маша не поняла, как они добрались до его дома, как оказались в бассейне с теплой водой, как с нее соскользнул купальник, как она кинулась к Никите, у которого от страсти рвались плавки, и как они, будто в голливудском кино, плескались у края бассейна, и она кричала – так кричала, что самой страшно было, но не кричать не могла, и внутри жгло... Маша чувствовала, что он заполнил ее так, что не осталось свободного места, и они ушли под воду, и тело вдруг стало безвольным и слабым, а он все не мог оторваться и прижимал ее, а она вздрагивала и обнимала загорелые плечи, искала его губы и не могла открыть глаза...

– Вот тебе и принципы... – пробормотала Маша.

Никита усадил ее на бортик, подтянулся и вылез из воды, взял длинные махровые халаты, один накинул ей на плечи, во второй закутался сам и посмотрел на нее пустым бессмысленным взглядом.

– Да уж, – рассмеялся Никита. – Человеком убеждений тебя не назовешь. Но мне нравится твоя гибкость – во всех смыслах.

Он сел рядом, взял ее руку в свою, прижался к плечу щекой, а Маша вообразила, как лет через пять они вот так же

сидят у бассейна, только это уже не его, а их бассейн, их дом, их жизнь...

* * *

Лиза открыла дверь, швырнула сумку, стянула платье, бросила его на пол и пошла в ванную – смывать косметику. Протерев лицо молочком для снятия макияжа, прошлась влажной салфеткой, брызнула термальной водой, приложила мягкое зеленое полотенце – и так, с полотенцем в руках, уставилась на себя в зеркале. На первый взгляд – ухоженная молодая женщина. Но стоит уткнуться в зеркало – становятся видны морщинки под глазами, на лбу, поры на носу, некоторая усталость кожи, желтоватые тени на веках... Иногда – в особо унылом настроении – Лиза рассматривала себя в увеличительном стекле и представляла, как время беспощадно морщит кожу, как безвозвратно уходит свежесть, тускнеют волосы...

«Я хочу посмотреть, во что меня превратит время», – Лиза вспомнила слова Анжелины Джоли. «Легко ей говорить!» – возмутилась она. Лиза боялась времени – оно так быстро уходит, не успеешь оглянуться – а тебе восемьдесят, артритные пальцы хрустят, дряблая сухая кожа свисает с костей, чтобы ходить, нужна палочка, а чтобы жить – куча лекарств...

Лиза иногда так отчетливо представляла себя лет в семь-

десять пять, что ее саму это пугало, и сейчас она упрямо смотрелась в зеркало, воображая, как по лицу разбегаются складки, делая ее похожей на шарпея... И вдруг из стекла на нее уставилась старуха: щеки в коричневых пигментных пятнах, нос покрыт сеткой сосудов, с жидких, седых у корней волос недавно сняли бигуди...

– Мама! – завопила Лиза и метнулась из ванной, опрокинув по дороге корзину с грязным бельем.

Она вылетела в коридор, упала в кресло и попыталась восстановить дыхание – сердце часто-часто стучало, ладони вспотели, а в груди как будто что-то застряло.

«Спокойно, спокойно, – твердила про себя Лиза. – Это паника, обычная паника... Я не сошла с ума, просто расстроилась...»

Несколько успокоившись, Лиза подкралась к большому зеркалу в коридоре, заглянула и уставилась на себя – женщину тридцати лет, в отличной форме, с роскошными светлыми волосами и чистой кожей.

– Я сошла с ума, я сошла с ума, – тихо пропела она. – Мне нужна лоботомия-а...

«Может, найти эту Катю и вернуть ей заказ? – проскользнула мысль. – Но тогда у меня в старости уж точно не будет денег на зубные протезы», – ответила Лиза самой себе, нашла сумку и вывалила из нее полароидные снимки, которые ей отдала Лена.



Варя позвонила Богдану. «Абонент недоступен или находится вне зоны действия сети», – сообщил стальной женский голос.

Богдан сказал, что едет в баню на мальчишник к стратегическому партнеру. Что это значит? Что они закажут дорогих проституток? Варя попробовала представить Богдана с дорогой проституткой. Картинка сложилась, отчего Варю чуть не стошнило, и она решила, что лучше ей вообразить его с веником и с массажистом. Или с массажисткой? Имеет она вообще право его ревновать?

Варя вспомнила приятного во многих отношениях молодого человека, с которым она встречалась пару недель, а потом на вечеринке в честь выпуска нового альбома какой-то поп-группы увидела его с облезлой девицей, которую он представил как свою девушку. Не то чтобы она успела влюбиться, но то, что у него есть девушка... И ведь он еще отлавливал ее в темных углах и объяснялся: мол, с девушкой у него все серьезно, так что ничего ей не говори, как будто Варя собиралась во всеуслышание заявить, что занималась с ним сексом четырнадцать дней подряд – три раза каждый день...

Варя прочитала столько журналов, в которых мудрые журналистки уверяли, что мужчина изменяет инстинктивно, по-

тому что самец, и что семья – это работа, тяжелый труд, что в браке надо идти на компромиссы... Но какие могут быть компромиссы с человеком, который напился, поскользнулся, упал и совершенно случайно попал членом в барышню, у которой хватает наглости звонить и сопеть в трубку? Правильно это?

Так и не решив сложный вопрос, Варя включила ноутбук и села писать краткое содержание будущего сценария. Но дальше титула «Сценарная заявка» дело не пошло – Варя перевозбудилась и не могла сосредоточиться на работе.

Она скинула джинсы, развалилась на кровати и представила, что Богдан дарит ей кольцо с бриллиантом в три карата и просит стать его женой.

Интересно, это здорово – быть чьей-то женой? Несмотря на то что они с Лизой и Машей все время делали вид, что страдают от одиночества, по-настоящему переживала только Маша. Маша действительно хотела семью, детей, баню, георгины в саду, ландшафтный дизайн... Маше хотелось уюта и надежности, защиты и покоя.

Лиза относилась к браку как к развлечению – ей нравились свадьбы, нравились свадебные путешествия, а потом нравилось скандалить, страдать и разводиться.

– Бывшие мужья – это как большая семья, – уверяла она. – Если мы несколько лет жили вместе, спали вместе, а потом вместе делили имущество, и у него до сих пор в гостиной висит мой Коровин, а у меня его костюмы, то уж, наверное,

мы всегда поможем друг другу в трудную минуту.

А Варя возвращалась вечером домой, открывала окна, за которыми шумела весенняя гроза, наливала в высокий стакан ледяной зеленый чай со свежей мятой, лимоном и тархуном, и у нее щекотало в желудке от удивительного чувства, которое так и не прошло к тридцати годам, – одна дома, можно делать все что угодно! Варе нравилось одиночество, нравилась тишина – особенная городская тишина: гудит телевизор, доносится с улицы гул машин, соседи что-то делят за стеной, лифт скрежещет, во дворе гуляют забулдыги, и она одна со всем миром, и никто ее не спрашивает: «Где мои лезвия?», и никто не смотрит новости, когда она работает, и никто не гремит кастрюлями, бормоча: «Опять курица!»

Варя решила, что когда станет старенькой, наймет компаньонку, как в романах.

«Главное в жизни, – рассуждала Варя, – не стареть душой. Как только у человека пропадает интерес к жизни, он разваливается. Для меня главное – работа, и если я не смогу писать, вот это будет трагедия».

Варя посмотрела на компьютер, задумалась о том, как прекрасно будет построить загородный дом и самозабвенно творить – лунными ночами, с утра спозаранку, днем, после обеда, в легкой истоме...

И решила отложить работу до завтра.

Лиза разглядывала фотографию Федора.

«Какой же он красивый!» – решила она, приложила к цифровому фотоаппарату снимок Брэда Питта из журнала «GQ» и сделала вывод, что Федор лучше. Четыре года назад Варя, Маша и Лиза договорились: если им кажется, что с каким-нибудь молодым человеком все очень серьезно, они до поры до времени не показывают его подругам. Не потому, что подруги могут что-то там не то... А потому, что пока все зыбко и неопределенно, забегать вперед страшно, а если ты кого-то выставяешь на суд лучших подруг – это и есть «забегать вперед».

Но сейчас ей очень хотелось похвастаться Федором – показать, какой он шикарный, спортивный и привлекательный. Хотелось, чтобы за нее кто-нибудь от души порадовался.

У Вари было занято. Маша долго не подходила к телефону, но в конце концов отозвалась.

– Маш, ты где? – Лиза вскочила с дивана и принялась ходить по комнате – она так всегда делала, когда волновалась.

– Я у Никиты, – холодно ответила Маша.

– Ты дома сегодня будешь?

– Наверное, – без энтузиазма ответила Маша. – Мне ведь завтра на работу.

– Я заеду?

Маша некоторое время молчала.

– А что случилось? – спросила она осторожно.

– Да, собственно, ничего особенного. Просто хотела поболтать. Думала показать тебе фотографию Федора.

Маша еще немного помолчала.

– Лиза, – произнесла она тоном учительницы, которая в сотый раз поясняет ученику, что «корова» пишется через «о», – я устала, а мне еще надо выспаться. Прости, но я не могу всю ночь выслушивать всякие глупости.

– Глупости? – ахнула Лиза.

– Прости! – одумалась Маша. – Я не то хотела сказать...

– Ну уж нет! – вспыхнула Лиза. – Что сказала, то и хотела!

А я вот что тебе скажу – пошла ты в жопу!

Маша, для которой слова вроде «жопы» были ударом по психике, задохнулась от возмущения. Но Лиза уже бросила трубку, и Маша осталась наедине со своим негодованием, а также с оправданиями, которые, как ей казалось, вполне извиняли то, что она обозвала переживания Лизы глупостями.

Глава 8

Маша сидела на работе и глазела в монитор без всякого понимания. Час назад она открыла отчет о рекламе за последний квартал – следовало выяснить, что там происходит с доходами – рост или падение, но цифры никак не укладывались в голове.

Вчера Никита усадил Машу на диван, велел залпом выпить бренди и сообщил новость, от которой Маша на несколько часов впала в паралич и так до сих пор и не оправилась. Друг Никиты, известный промышленник, купил погибающий от нищеты политический еженедельник и собирался сделать из него процветающее издание. Для этого им нужен крепкий главный редактор, способный вести через весь журнал финансовую линию. Ему в придачу нанимают шеф-редактора, который будет заниматься творческой составляющей, а вот место главного редактора Никита предложил Маше.

– Но я же не могу... – мямлила Маша.

– Маш, послушай, ты здорово ориентируешься, что можно продать, а что нет, – убеждал Никита. – Им это и требуется.

– То есть я буду надзирателем? – волновалась Маша.

– Ты думаешь, им там нравится считать копейки? – настаивал Никита. – Прежний владелец играл в игрушки: хо-

чу журнал. А потом ему все это надоело, и они там все, как на бомбе – если рванет, все без работы останутся. Им сейчас платят от случая к случаю – аж штаны висят. В прямом смысле. Ты их всех сделаешь богатыми, они на тебя молиться будут. Ты же не абы кто, ты – финансовый директор отличной радиостанции. У тебя репутация, опыт...

– Не знаю, не знаю... – ныла Маша. – Я не директор, я зам директора...

Для того чтобы пережить острый приступ паники, пришлось напиться: под влиянием бренди все стало не так страшно и даже показалось, что ТАК бывает – встречаешь хорошего человека, тебе предлагают чудесную работу, все складывается.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.